

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1926

№
6

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

М. Шабухову (Уфа). — Стихи не отличаются ни особыми недостатками, ни особыми достоинствами. По всей вероятности, они являются дальнейшим развитием традиций поэзии каждого в своем возрасте и, наверное, для тебя самого они «счастливая случайность». Печататься не спеши.

Е. Матвеевой (Москва). — Присланное никакими не представляется. Так размножают писать не следят. Что такое «смешающие чудеса»?

М. Чиркунова (Москва). — Твои стихи пока еще очень близки к рифмованному дневнику и они могут быть хороши и интересны лишь для тебя лично. Общественного и художественного в них мало. Особенно при таких подробностях: «Получили отпуск на месяц... Запад...»

Н. Китной (Орел). — В прелистых стихах очень много идеалистических настроений, чувствуется влияние может-быть, даже и Найдосса. Продолжай так, как пишешь сейчас, совершенствуя советует. Ваши современные темы гибнут при тех литературных средах, какими вы живете. Чем же вы? Оба боялись свободы в природе? Чего за «Света с большой буквы» и как он «того» вает тело и мозги? О прозе заранее судить не можем.

И. Алферову (Москва). — Твои письмы сумбурины. Предупреждаешь о повести, присыпавшейся стихи, и в них несомненно, преобладает интерес к внешней значимости в учреждении. Не будешь, а пишешь делом?

М. Якову (Тамбов). — Тебе нужно еще учиться. В стихах не достает умения, у тебя мал еще запас слов, поэтому от стихов остается впечатление ученических проб. Больше читай, можешь ли так писать: «Из-за синевы в окнах, из-за синевы, Как колыбель старая в ночи, Из лукав, обмытый советом, Распластившийся зимою на печи». Второе сравнение очень тяжеловесно, многоголово и совершенно не усиливает основного — представления о зиме.

Я. Шевченко (Харьков). — Твои стихи очень интересны, но с некоторыми образами. Вот несколько примеров из первого и основного стихотворения: Ты собираешься спеть «молитву чистую родине, которая почему-то грядет в сите белом хохоче из стаканов златой линой прелести» (?) что-то переплыть в деревне? А дальше идут такие выражения: «гудок, раззвиз и виз» и т. д. Советует от этого воздержаться. К напечатанию не годится.

П. Звонкому (Серпухов). — Напечатать не смокем. Испытай: «запах сорняков», как волны волны затопленные луга, залитый порошок, но так говорить в соловье очень сомнительно, также нехудожественно: «позвабыв на миг лишь

площадь», это вовсе не создает впечатления города, как тебе нужно; испытай, какое еще есть.

И. Абрамзону (Ленинград). — В твоих стихах очень много неточныхностей, часто встречаются неправильные словообразы и пр. Это объясняется тем, что еще слабо владеешь стихом, у тебя нехватка слов, тебе приходится придумывать рифмы. Можно ли считать хорошии «хорошии» или «хорошии же ялье добываючи»? или «глотки яльшии жарою набить»?

Плохой образ: «стуны несутся предо мною». Что означает «стуны в котловине захватывали»? Очень неуклюжее выражение: «еп есп есл я в к о р я х лад». Но этим ты предполагаешь старый строй, и нечеловеческий настрой. Ты можешь попробовать считать удачным такое определение: «стуны, ты здоровой жирной стала»?

П. Швайко (Харьков). — Работать тебе следует. Стихотворение не плохо, хотя длинновато. Избегай чисто истертий выражений как «е с лы ш ш у ш а г о р о д к о г о» или «такие неподходящих, как я вижу». Это не напечатано, будет дурно.

Г. Кульбакову (Полтава). — Стихотворение не просто плохо, но вдвойне плохое, так как кроме слабой техники, в нем скверный тон. Нужно избавиться от этого ложного, ничего не говорящего пафоса: «Мы—хозяева, владыки, цари, нас—легион, миллионы и пр.» — «Большой—электричество» и т. д. Пишти лучше.

А. Иванову (Борисоглебск). — Вы умеете наблюдать, но еще очень плохо пишете. Присланное читается очень скучно, перечисленные случаи не производят цельного впечатления. Такие общие описание гражданской жизни требуют новых художественных образов.

«Буркузская коровы Цели рабские. Порой Стаде черной пролегата Над растерзанной страной».

Ведь это только рифмование самых обычных представлений.

Б. Я. Яковин (без обозн. адреса). — Продолжай тебе стопт, но еще лучше об этом не писать. Часто отдельные строчки выпадают из общего размера стиха.

Кроме того, много недостатков в выражениях:

«Снег кто-то грызет — неудачно для представления санного пути, нельзя говорить: «изгородь тына» — это все равно, что забором полями можно обнести деревню. Неудачно жалить — лучше еще не имеют технических средств передвижения, не годятся для передачи процесса дынькой ходьбы употреблять: «Колесик я стени просторы» и ми. др. Ну и работать точнее. Стихи не разговорная речь.

Обрати на эти внимание.

ОТВЕЧЕНО ЛИЧНЫМИ ПИСЬМАМИ:

К. Фролову (Уральск), П. Семину (Н. Николаевск), М. Платонову (Ташкент), А. Дубовику (Хар-

ков), Н. Билю (Омск), М. Зуеву (Красногорск), М. Обухову (Ростов-на-Дону), Л. Вейману (Гомель), Лобзовскому (Ленинград), В. Переву (Казань), К. Речину (Краснодар), Е. Еремину (Невьянск), С. Балашову (Донецк), П. Рузылеву (Алекурская ком.), Н. Дергиловой (Ст. Бахарах), М. Засу (Одесса), Ф. Бондаренко (Воронежской г.), к-ну Н. Черкасову (Москва).

НОВЫЕ КНИГИ

ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ НА ОТЗЫВ

ГОСЗИДАТ.

Б. Сандар. — Золото. 1926 г., стр. 98, и. 60 коп.

С. Ориц. — Господин Пузан. 1926 г., стр. 180, и. 1 р. 20 коп.

Ж. и Ж. Зеф Фраппа. — Сын господина Пурье. 1926 г., стр. 98, и. 70 коп.

И. Скорико. — Молодец в борьбе за Октябрь. 1926 г., стр. 56, и. 70 коп.

Н. Лепин. — Вопросы производительности труда (речи и статьи). 1926 г., стр. 104, и. 40 коп.

С. Соколов. — Уваров, А. Чернов. — Настоящее и прошлое земли. 1926 г., стр. 141, и. 40 к.

В. Комаров. — Из истории биологии. 1926 г., стр. 69, и. 50 коп.

С. И. Чугунов. — Работы сенатора С. М. Пресмана и А. П. Фейнкеля.

— О физике болота. 1925 г., стр. 98, и. 70 коп.

С. С. Дактуровский. — Очерки болота. 1925 г., стр. 98, и. 70 коп.

С. С. С. Волотова. — Вечер памяти Ленина в изб-читальне

1920 г., стр. 61, и. 30 к.

Л. Соловьев. — Пионерский

участ. 1920 г., и. 50 коп.

Георгий Устинов. — Черный ветер. 1926 г., стр. 83, и. 80 коп.

Эльза Дженинга. — О Герине на пароходе. 1926 г., стр. 197, и. 1 р. 50 коп.

Изд-во «Земля и Фабрика».

И. С. Тургенев. — Рассказ по мещанина. 1926 г., стр. 31, и. 12 коп.

Карл Штейгельмай. — Наполеон. 1926 г., стр. 47, и. 25 коп.

К. Трепеев и Омелько. (рассказы). 1926 г., стр. 30, и. 10 коп.

Жюль Ромен. — Возрожденный городок. 1926 г., стр. 48, и. 25 коп.

Родан Доржес. — На долгие мандарины. 1926 г., стр. 173, и. 1 р. 20 коп.

Джек Лондон. — Дочь снегов. 1926 г., стр. 29, и. 75 коп.

Н. Н. Плавильщикова. — «Каз» Записки старого гуся. 1926 г., стр. 89, и. 60 коп.

Изд-во «Мол. Гл.» Сб. статей.

1926 г., стр. 70, цена 20 коп.

Б. Яшиф. — Куда идут мещанины. 1926 г., стр. 61, цена 40 коп.

А. Безымянский. — Груз. 1926 г., стр. 40, цена 75 коп.

В. Зорин. — Итоги детского коммунистического в СССР. 1926 г., стр. 64, цена 15 коп.

И. Перешион. — Нэша.

Н. Телешов. — Крамола (рассказы). 1920 г., стр. 85, и. 70 коп.

Ф. Айзен. — Эссе-фикс с хохломой. 1926 г., стр. 100, и. 55 коп.

И. С. Туремен. — Хоры и Калины. 1926 г., стр. 32, и. 12 коп.

В. Яч и Шишко. — Радио-сатана (бюл-и-комюж и комюра). 1926 г., стр. 25, и. 10 к.

Ф. Гладков. — Огненный конь. 1926 г., стр. 178, и. 1 р. 75 к.

Ю. Р. Слезкин. — Годзилл (бюл-и-комюж и сатира). 1926 г., стр. 30, и. 10 к.

В. Винников. — Кузь и Гризун. «Земля и Фабрика». 1926 г., стр. 29, и. 12 коп.

М. Е. Салтыков. (Щедрик). — Вильные времена «Земля и Фабрика». 1926 г., стр. 28, и. 12 коп.

Ант. — П. Чехов. — Музыканты. 1926 г., стр. 32, и. 12 коп.

А. Сергиевич. — Юные труженики (детск. библ.). 1926 г., стр. 37, и. 10 к.

Деревеня. — Итоги 1905 г. (по воспоминаниям сельских). 1926 г., стр. 207, и. 85 к.

Э. Перешион. — Нэша.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

А. Л. Мильчаков. — О задачах клубной работы. 1926 г., стр. 32, и. 12 коп.

Бесправные о себе (под ред. Г. Григорьева). 1926 г., стр. 55, и. 12 коп.

Я. Шифр. — Куда идут мещанины. 1926 г., стр. 61, цена 40 коп.

А. Безымянский. — Груз. 1926 г., стр. 40, цена 75 коп.

В. Зорин. — Итоги детского коммунистического в СССР. 1926 г., стр. 64, цена 15 коп.

НОВЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ КНИГИ

Комсомольская полиграфия I (сту-
пени). Изд. «Молодая Гвардия». 1926 г., стр. 61, цена 25 коп.

Комсомольская полиграфия II (сту-
пени). Изд. «Молодая Гвардия». 1926 г., стр. 20, цена 15 коп.

Одна из первых работ РЛКСМ в деревне. Изд-во «Мол. Гл.» Сб. ста-
тьей. 1926 г., стр. 70, цена 20 коп.

Т. Якимович (Чернig. губ.), И. Ка-
таеву (Тверь), Н. Смирнову (Мол.-
лерово), М. Степину (Ленинград),
В. Зайбакову (г. Слободской)
Е. Юрьеву (Минск). **ПРИСЛА-
НОЕ.** Изд. «Славянка» (Славян-
ский). — Книга предложений, саморазви-
тия, большая читать художественную
литературу и научиться самосто-
ятельно в ней разбираться. Писать
для печати письма разно, сотрудни-
чай с сентябрьским.

П. Балахонов. (Симферополь),
В. Крымскому (Симферополь),
И. Глотову (Орел), Г. Борисову (На-
химов), В. Борисову (Севастополь),
П. Дороненко (Новороссий-
ск), Л. Бородину (г. Смела),
М. Угренчу (без обозн. адреса),
Н. Льдову (г. Геремехово).

СОДЕРЖАНИЕ:

С. ГРИГОРЬЕВ — «Звезда заката». **ЖАН ДЮФФО** — Ахмед из черного батальона. **Б. П.** — Комсомол в деревне. **А. ФРО-
ЛЕНКО** — Как мы казнили царя. **О БЫТЕ** (анкета «Смены»). **VII СЕЗД ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.** **С. ЧУЙКОВ** —
На перевале (современный Казахстан). **П. ПЕТРУХИН** — Проклятое наследство. **А. ЖАДОВСКИЙ** — Красный снег. **А. ПЕВИ** —
Борьба за тепло. **В. ТЕПЛУХИН** — Кантон — сердце Гоминидии. **Р. РОМАН** — О неблагодарном негре («Подзатыльник»).

Иллюстрации: **Г. БЕРШАДСКОГО**, **М. ХРАПКОВСКОГО** и **В. СУТЕЕВА**.

Снимки: **Ф. ЗУБКОВА**. Из архива «Смены», «Руссфото», **С. ЧУЙКОВА**.

Обложка работы **В. ДОБРОКОЛОНСКОГО**.

Отв. редактор **П. КОЛЕСНИКОВ**.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-58-13

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНал РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ "МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	24 ном.	4 руб.	10 коп.
6 мес.	12	2	20
3	6	1	15
Отдельный №	—	—	25

Подпиську принимает Отдел Периодических Изданий Издательства "Молодая Гвардия".

Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

№ 6

МАРТ

1926 г.

"ЗВЕЗДА ЗАКАТА"

С. ГРИГОРЬЕВ, иллюстрации Г. БЕРШАДСКОГО

рухнуло. Поднятное против Амбы и Николки оружие упало.

Амба спокойно повернулся к двери и вышел из бара. Икенса вышел вслед за ним, обтирая лицо. На террасе Икенсу схватили за руки и повели партизаны. Буфетчик бара прекратил торговлю, да и публика начала постепенно выбираться: вон не столько нагнанная американским «автоматами», сколько приведенная звонким голосом старшины Сидора. Старшина измодился в своем кабинете, салоне и в просторной лестничной клетке (второй этаж бара); размахивая руками, старшина что-то выкрикивал в притихшую толпу, где было, пожалуй,

Пианы-Эр-Гоу и все соки вокруг на три дня пути республикой.

— Похоже. Далее что?

— Он говорит, что ты поставил вопрос Пианы-Эр-Гоу пулеметы и орудия и, если беспорядок не кончится, никто не уйдет живым.

— Во-время! Так. Ну, еще чего, однако?

Звонкий голос Чин-Бао-Ли толпа покрыла вздох недовольством.

— Чего это они завалили? — спросил Амба.

— Он говорит, что ты запретил продавать по всей республике спирт.

— Погоди! — Амба дернул старшины за полу салюта. — Не рассстрирай их, Сидор! Пускай скажет им, что запрещают только во время народных собраний — чтобы пьяные рожи на глаза не лезли: стыдно!

Сидор Волк перевел поправку Амбы старшинке; но напрасно. Чин-Бао-Ли пыталась, призывая ктишине, утешить ее милюю Амбы, —крики и шум нарастали; опять началась стрельба вверх. По отдельным выкрикам теперь и Амба мог понять, что толпа, правда, подогретая спиртом, вернулась к главному своему требованию:

— Золото! Пианы! Золотые панти!

Из толпы выдвинулся вперед, измельченный, толпа его вытигнула, —один из маджинских драгунов. Он выхватил из головы свой топор и что-то крикнул... Толпа умолкла.

Обращаясь к старшинке, дроворуб в безмолвии сказал несколько слов по-китайски и смолк. Толпа ждала ответа. Сидор Волк перевел Амбе речь дроворуба:

Размахивая руками, старшина что-то выкрикивал в толпе...

4. РЕСПУБЛИКА НА ТРИДНЯ ПУТИ

ПЕРЕД АМБОЙ толпа на площади раздавала Гимн СССР. Гарунчак играл грустно так, что за сердце брало. Китайцы любят русскую песню. Шум в толпе стихал. Перед баром Амба сошел с коня. Вместо Икенши Амбу провокал Николка Бурят, у него было паррабелло, пристегнутый на приклад. С карabinом в руках вошел Амба в блескательно освещенный зал бара, полный пышными золотистыми люстрами. Появление Амбы в самом пекле бута было византио.

Амба стоял у стойки и готовился выпить из высокого узкого стакана какой-то огненного цвета напиток; он подносил стакан к устам, Амба быстро поднял карабин и выстрелил в окно, карабин, без присела; стакан в руке Икенши разлетелся вдребезги. Осколки из стакана оплеснули лицо Амбы как бы кровью, а, может быть, он смешалась и с кровью израненного стеклянного дробеслом лица.

— Руки об тебя ноганить не желаю! — кричал в горести Амба: — Уберите его с глаз моих людей!

Против Амбы и Николки поднялись нескользко ревнителей и винтовок, но никто не решился выстрелить первым. Зазвенели стекла окон, пробитые дулами «автоматов»; из каждого зенита торчало с террасы бара по пулеметному

на три четверти желтолицых: монголов, китайцев, корейцев, манжуков.

Амба обратился к Сидору Волку, который стоял рядом с пьедесталом оратора у перила:

— Не наговорил бы он пустяков! Ты мне перегорюки, чего он кричит, только покороче...

— Он говорит им от тебя, от твоего имени...

— Ах, суконный кот! Ну, ладно! А чего?

— Говорят, будто ты объявил приск

торжестве десятичных дробей и метрической системы. Сидор Волк уступил другу единственно ради политики, что не было склон.

От американской компании осталось в конторе и непрекрасно отпечатанных ярлыков с изображением драги «Звезда Заката», рожей золота в озере среди гор. Ярлыки были трех цветов—красного, зеленого и коричневого. Ревизоры республики Пинь-Эр-Гоу решил считать зеленые ярлыки в один золотник, коричневые—в два и красные—в три. В более крупных купюрах валюты нужной не было, так как по примерному обозначению на дешви приходилось 48 золотников золота, считая и то, что было спрятано в кожаных мешках старателей, и то, что скрыто в бронированном шкафу на двери.

Тут началась самая грузная часть работы. — Потом мы в московском Гознаке облагали золотом, а то уж очень копотно!—вздохнул Амба, поставив чернильным карандашом корякскую букву.

«А» на обороте сотового, примерно, ярлыка, чек превращал бумаги в «золотники».

— А в Москве, спасибо, червонцы в оборот пустили, — сообщил Сидор Волк, ставя после Амбы на ярлыках подпись: «Волк».

— Да что ты? Вред, однако?

— Зачем врат. Посадили в верхних родах на Красной площади артельщиков, кругом конохи, охраны; у артельщиков чёмодан с золотыми, кто ходит—подходит и покупай: червонец стоит сто миллиардов.

— Во-вранье!

После Волка писал на ярлыке затейливую каракуду Чин-Бао-Ли. Сначала Амба этому было воспротивился:

— К чему это такая раскоряка—не то птицу, не то паук изобразил. На русских деньгах китайская раскоряка наст не надобно...

Вместо слов Сидор Волк достал из кармана серо-зеленую бумажку с цифрой «1000», напечатанную в Москве.

— Чего это?

— «Ходи, Винни», по-китайски написано. Вели старинную прещть.

Ну, чигай китайца.

Старинка весело скала зубы, перевел китайскую надпись, напечатанную на советском денежном знаке:

— «Вся земля работай вместе есть!»

— Как это?

— «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»,— произнел Сидор Волк.

И старинка закивал головой:

— Соединя есть—работай все страны!

Амба подумал и согласился:

— Ну, ладно уж рисуй свою раскоряку.

Джай-бай, возвестил:

— Самовар кушеги послевай есть!

Работа по изготовлению ярлыков с подписями правителей Пинь-Эр-Гоу превратилась—все

сели в круг около самовара и подкрепились,

сняли с самовара, наложили

ему венок и себе в широкие китайские чашки,

в роде тех сполоскательных», что подают в русских трактирах при «паре чаю». Китайцы и

Амба ели из чашек прямо пальцами доставая

куски мяса и полтый прямым соусом рис, хотя

всем были поданы деревянные ложки.

Из третьего отсека самовара заварили чай.

Амба выпил шесть чашек чаю и, вздохнув, взглянул на стопку заготовленных денежных знаков:

— Эдак нам, братцы, до утра работы хватят.

Влип он с тобой. Сидор, в историю в писаря об

ратился.

Амба высыпал время, и, в лад с гармонистом,

Амба высыпал время, и, в лад с гармонистом, начал говорить...

— Ну, этого нет!—взразил Амба, выглянув в прорезанный в двери глазок на площадь.—Утром человек к шуму мало способен, а злости в них больше видят. Сидор, я так полагаю, что золото мы начнем обирать немедленно. Банку откроем на пристань и прямь мешки в лодку и на драму—там его и спасибо!

— Много ли его будет?

— А вот увидим! Гаркуса,—обратился Амба к гармонисту,—недоразумение за ночь накопилось, поди, немало! Ты гармонь пока оставь и посуди малость. Назначай тебе ревертибуналом. Нам надо от бандитов отмежеваться. «Высшей мерой» и очень шагой, однако-кого-стукинуть, конечно, придется. Старинка, ты ему найди среди своих обстоятелей паринику, чтобы по нашему маленько мог от сказать если между нашими и вашими что? Еще что? Ты, Никола, по штабной части самостийно действуй, только доложить мне все. Открытое представление вчерашний день, что ли, Сидор?

Надо открыть...

Двери бывшей конторы присника, а теперь девкомка республики, распахнулись.

6. ПЫШНЫЕ ПОХОРОНЫ

АМБА УГАДАЛ, что за ночь накопилось немало случаев, требующих суда и расправы. Икеша, обособленный из под стражи, со своими сторонниками, мочью обварив небольшими домов и фанзы, где жили подрядчики, торговцы, заклывщики и ремесленники, отмылся всего десятка два раза, но на белых в этих поисках нашел подграждателей. Кое-где грабители вскоре зажгли огнем. В перестрелке было убито несколько человек и среди манз.

А к сутки, когда напуганные грабежами жители трепетали, собирались сдавать золото в правительство республики, на банду Икеша напала толпа маникур из бывшей при американцах охраны присника, и под ее матиском Икеша от-

— Еще номера надо проправлять!.. Без нумера—деньги не ходят...

— Ну, дак-дак! Значит, и к утру не управиться.

— Жди, капитана!— тебе легка работа, дедай!— сказал, рассеянув тучу ласковых улыбок, старина.

Он поролся в конторке и нашел император. Амбе понравилось стукать машинкой на бумаге, цифры за цифрай и он предложил другому:

— Сидор! Ты ставь и он венециан вместе со своим. Тут ведь, нет обмана.

Сидор Волк стал подписывать «золотники» за себя и друга—старинкаставил свою «раскоряку» очень быстро, а Амба бойко стучал императором. Догоняя товарищей.

Солдат застало их еще за работой.

К утру поселок утонулся—но солнечными восходом к конторе снова началась собираться толпа.

Криков вчерашних не было слышно.

— Смирна есть!—сказал старинка..

разу на все три
разделено карточка —
какома и между
тический спор —
— почему мудро
Амба приказал:

разливистая;
приятие играли;
стрижка; крики;
и виноваты; мое;

всю эту
из Эр-Гоу обду-
шения. Амба на-
шил Сидора нау-
чили китайской;
Глав-
драги, китайцы
не спорят и об-
щества и партизан-
ских, республики
хах.

Эр-Гоу.
и книги че-
мала, когда че-
тую, чтобы не разделить на сто
делится на сто
стасиша, потому
центре при-
типовой;
золотник на сотни
шести долей.
шадор: метрическа

лота делить. Ты
каких как же?

сколько частей
не было. А на-
помощи пришел
стекле бумаги два

50,
24, 32, 48, 96.

рвом ряду пять,

девяносто шесть.
и в цепь-стоси-
стическая. Амба верно

ники! Да! Это
«А ты для
только ты» тысяч лет
всё одна да!

и нам учить нуж-
ные счет... Одна
старик Парижского

платят, в подень-

и в часы шестиде-
сяти секунд. Ме-
тебе тоже метри-

До метрических
Да на мили? Но
и смет верши,
по пальмам кому
говорят. Вот тебе

мара должна
Волк.

и азиатчи-
и Англии спод-
и? Потому, что
они примерил
все мои величи-
и на четверть верши-
данные, всех на-
читают на док-
спорты, хотя и
и разделить не на-
шесть долей. Так
самовары и тихим
из вакуумных
из вакуумной

торжество десятичных дробей и метрической системы. Сидор Волк уступила другую единственно ради поправки, что золото было скошено из конторы. От старшинской компании отстал в конторе там прекрасно отпечатанных ярлыков с изображением драги «Звезда Заката», роящей золото в зоре среди гор. Ярлыки были трех цветов—красного, зеленого и коричневого. Рекомендовано Гоу. Гоу решил, что золото в золотых ярлыках нужно было, так как по примерному соображению из души приходило 48 золотых ярлыков, сущим образом спрятано в конторе старшинской, и то, что скрыто в бронированном шкафу на драге.

Тут началась самая трудная часть работы. — Потом мы в московском Гознаке облигации закажем, а то уж очень конопотно! — вздохнула Амба и привела чернильным карандашом корыто букоук.

«А» из букоука, примерно, ярлыка, что прерывало бумаги в «золотых».

— А в Москве слышали, что ярлыки в оборот пустили, — сказала Сидор Волк, ставя после Амбы на стол пачку почты: «Волк».

— Да что ты? Вред, однако?

— Зачем врат. Посадили в верхних галереях на Красной площади артельщика, кругом ко-
лично, охвачено, у артельщика членами с золотыми, кто краинами, и покусали: червонец стояло сто миллиардов.

— Во-первых!

После Волка писала на ярлыке затейливую караокуло Чин-Бао-Ли. Сначала Амбу этому было нечего противопоставить...

К чему это такая раскорюка — не то пиши, не то пахау изобрази. На русских денежках китайских раскорюк нам не подобно...

Вместо слов Сидор Волк достала из кармана серебряную букоуку с цифрой «100», напечатанной в Москве.

— Чего это?

— «Ходя». Видишь, по-китайски написано. Всё старшинки прочесть.

Старшина, весело склая зубы, перевел китайскую надпись, напечатанную на советском денежном знаке:

— «Вся земля работай вместе есть»

— «И это?»

— «Программа всех стран, соединяйтесь»

— И старшина закивал головой:

— «Соединя есть — работай все страны!»

— Амба подумал и спасибо!

— Ну, — сказала русская раскорюка.

Дрожьющей, всхлипывая:

— Самовар купиша поспаси есть!

Работа по изготовлению золотников споди-
сими правления Пинг-Гоу-Гоу-Гоу-Гоу — все

селя, кроме самара и подсолнечника — все

селянин, сия крыши с самовара, наложил

ею всем и себе в широкие китайские чашки,

в роде тех «полоскательных», что подают в ру-
сских трактирах при чаше чаю. Конечно, Амба не стала пренебрегать наименем соусом рис, хотя

всех были поданы деревянными ложками.

Из третьего отсека самовара заварил чай.

Амба выпил шесть чашек чаю, и, вздохнув, взгля-
нул на столик запечатленных денежек золота

и золота, и, вздохнув, сказал: «Вот, для утра работы хватит.

Всё я твой, Сидор, а историю в писаря об-
ратился».

Амба вымылся время, и, в лад с гармонистом, начал говорить...

— Ну, этого нет — возразил Амба, выглянув в проэркну в двери глаза на площадь — утром человек к шуму мало способен, а злости в них больше видеть. Сидор, я так полагаю, что золото мы начнем обивать вчера же. Банки откроются на присыпки и прямо мешки в лодку и на драги — оно будет спокойней...

— Много ли его будет?

— А вот увидим! Гаркунца — обратился Амба к гармонисту — недогадывается за него наименование? Та гармонь пока остань и поссыпь малость. Назовешь тебя реиграбуналом. Нам надо от бандитов отмежеваться.

«Высшей мерой» и очень щеголяя однажды-
кого-кого стукнуть, конечно придется. Стави-
ка, ты ему наше золото среди скамьи обставь. Банки от-
кроются на присыпки и наземлю мато на случай если между нами и винами что? Еще что? Ты, Николка, по штабной части самосто-
ительно! Действуй, только должен мне испытать?

Надо открыть...

Двери бывшей конторы присыпки, а «теперь

ревкома республики распахнулись.

6. ПЫШНЫЕ ПОХОРОНЫ

А МЕДА УГЛАДАЛ, что за ночь накопилось
немало слухов, требующих суда и расправы
и Икеша, освобожденный из под стражи,
со своими сторонниками и фамилии обшарил на-
секомые заслонки и флаги газет, из которых, отмытая
из них золота и золотой песок. К Икеша не стало всего десяти двух партизан, но на белу
он в этих постуках нашел подружаков. Кое-
где грабителей было много, а золото и золотой
быстро, потому что золотой человек и среди майдан-
а, и среди когтей напуганных грабежами жите-
лей трепеща, собирались сдавать золото в пра-
вление республики, на банду Икеша напала
толпа маникур из бывшей при американских
охраня присыпки, и под ее патинским Икеша от-

— Еще номера надо простишать!... Без ну-
мера — деньги не ходят...

— Ну, да-да! Значит, и к утру не управ-
иться...

— Жди, капитан! — тебе легка работа, ле-
дай! — сказал, рассказывая тучу ласковых ульбак.
старшина.

Он поднялся в конторе и начал нумератор.
Амба переправлялся стульями, машкой на бумаге

и цифровой за шифрой и он предложил другу:

— Сидор! Ты ставь и мой венец вместе
со своим. Тут, ведь, нет обману.

Сидор Волк стал подписывать «золотничко»
за себя и друга — старшина ставил свою «рас-
корюку» очень быстро, а Амба бойко начал

нумератором. договором.

Случице застало их еще за работой.

К просовкам старшин не было слышно.

— Смирна есть! — сказал старшина.

торжество десятичных добродетелей и метрической системы. Сидор Волк уступил другу единственную ради политики, чтобы не было склоки.

От американской компании осталось в конторе тьмы прекрасно отпечатанных ярлыков с изображением драги «Звезды Заката», рожей золота в озере среди гор. Ярлыки из трех цветов—красного, зеленого и коричневого. Родной республиканец Сидор Гоу решил считать зеленые ярлыки в один золотник, коричневые—в два золотника—в три. В более крупных купюрах золоты не было, так как по примерному обнаружению на душу приходилось 48 золотников золота, считая и то, что было спрятано в кошельках мешочках старителей, и то, что скрыто в бронированном шкафу на драге.

Тут началась самая тяжкая часть работы. — Потом мы в московском Гознаке облагицелизации, а то уж очень копотно!—вздохнул Амба, поставив чернильным карандашом корибу: «А» на обороте сего, примерно, ярлыка, чем превращал ярлык в «золотинку».

— А в Москве, слышно, червонцы в оборот пустынны,—сообщил Сидор Волк, ставя после Амбы на ярлыках подпись: «Волк».

— Да что ты? Вред, однокак?

— Зачем врать. Посадили в верхних рядах на Красной площади артельщика, кругом конечно, охрана; у артельщика чехомат с золотыми, кто хочет—подходит и покупай: червонец стоит сто миллиардов.

— Во-время!

После Волка ниска на ярлыке затейливую карикатуру: Чжоу-Бэй-Ли. Сначала Амба этому было удивлено:

— К чужу это такая раскорика—не то птицу, не то паку изобразил. На русских деньгах китайских раскоряек нам не надобно...

Вместо слов Сидор Волк достал из кармана серо-зеленую бумажку с цифрой «1000», напечатанную в Москве.

— Чего это?

— «Ходя». Видишь, по-китайски написано. Всем старшинам прочесть.

— Ну, читай китайца.

Старшина, весело скляя зубы, перевел китайскую надпись, напечатанную на советском денежном знаке:

— «Вся земля работай вместе есть»

— Как это?

— «Пролетари всех стран, соединяйтесь»,—повисил Сидор Волк.

И старшина закивал головой:

— Амба подумал и согласился:

— Ну, ладно уж рисуй свою раскорику.

Джан-бай, возвестил:

— Самовар кущенца послав есть!

Работа по изготовлению золотников с подписями правителей Пинь-Эр-Гоу превратилась—все сели в круг около самовара и подкрепились.

Джан-бай, сняв крышки с самовара, наложил ему всем и себе в широкие китайские штаны в роде тех «полосатых», которые изображают в русских трактирных картинах «чудо». Китайцы и Амба сидели на земле, прямо пальмиами доставали куски мяса и полный прямым соусом рис, хотя всем были поданы деревянные ложки.

Из третьего отсека самовара заварили чай.

Амба выпил шесть чашек чаю и, вздохнув, взглянул на столку заготовленных денежных знаков:

— Эзак нам, братцы, до утра работы хватит.

Влип в мясо и с тобой, Сидор, в историю в писаря обрастился.

Амба выходил время, и, в лад с гармонистом, начал говорить...

— Ну, этого нет!—взразил Амба, выглянув в прорезанный в двери глазок на площадь:—утром человек к шуму мало способен, а злости в них больше видать. Сидор, я так полагаю, что золото мы начнем обирать немедленно. Банку откроем на пристани и прямо мешки в лодку и на драгу—так оно будет спокойней...

— Много ли еще будет?

— Вот уж краину!—вспомнил Амба к гармонисту,—недолго ждать за ночь накопилось, поди, немало! Ты гармоны пока оставь и посуди малость. Назавтра тебя ревитрублом. Нам надо от бандитов отмежеваться. «Высшей мерой» не очень шагал, однако-коекого стихнула, конечно, придется. Старшина, ты ему найди среди своих обстоятельный парнишка, чтобы по нашему маленько мог на случай если между нашими и вашиими что! Еще что? Ты, Николка, по штабной части самостоятельно! действуй, только доложи мне все. Отроду присутственный день, чего ли, Сидор?

— Надо открывать...

Двери, бывший конторы присника, а теперь пекинская республики, распахнулись.

6. ПЫШНЫЕ ПОХОРОНЫ

АМБА УГЛАДАЛ, что за ночь накопилось немало случаев, требующих суда и расправы. Икеша, обожженный из-под стражи, со своими сторонниками иначе обшарил несколько домов и фанз, где жили подрядчики, тортонцы, заключники и ремесленники, отнимая у них деньги и золотой песок. К Икеше стала всего десятка два парашютов на берегу на этих постукивающих ветвей деревьев. Мордаждателей. Когда грабителей убили или отогнали. Конгламераты, когда напуганные грабежами жители трепенца собирались схватить золото в пра-вленной республики, на банду Икеша напала толпа мачикур из бывшей при американцах охраны присника, и под ее натиском Икеша от-

— Еще номера надо пропальять!.. Без нумера-деньги не ходят...

— Ну, дак-дак! Значит, и к утру не упра-виться.

— Жди, капитан!—тебе легка работа, дей-лай!—сказал, рассевя туну ласковых ульбок, старшина.

Он порылся в конторке и нашел нумератор. Амбе понравилось стукать машинкой на бумаге цифру за цифру и он предложил другу:

— Сидор! Ты ставь и мой вензель вместе со своим. Тут, ведь, не обману.

Сидор Волк стукнул «золотинку» за себя и друга—старшинаставил свою «раскорику» очень быстро, а Амба бойко стучал нумератором, догоняя товарищ.

Солнце застало их еще за работой.

К утру поселок утомился—но с солнечным восходом к конторе снова начали собираться толпы.

Крик вчерашних не было слышно.

— Смирна есть!—сказал старшина..

АХМЕД ИЗ ЧЕРНОГО БАТАЛЬОНА

(ИЗ РОМАНА «МАРАБУ В ШЛЯПЕ»¹)

ЖАН ДЮФФО, рисунок М. ХРАПКОВСКОГО

АХМЕДУ на другой же день после его ареста сообщили, что он назначен волонтером во 2-й стрелковый туземный полк.

Формальности тянулись недолго: по окончании двух месяцев сплошного обучения его отправили в Мехнес, где он должен был присоединиться к батальону в колонне.

ГОРОД позади. Сколько прошло уже времени!

Солдаты шагают, опустив голову, согнувшись под тяжестью снаряжения и инвентаря с тяжелыми подбитыми подъемами по горячей дороге. Они шагают под разевающейся сажетью пыли, которая неотъемлемо следует за ними, точно подгоняя медленными и неумолимыми толчками.

Ни малейшего ветерка, ни малейшего дуновения. Сквозь сухие, ущелистые щели видят они, как стелются серые, точно прожеканные дали, усыпанные в аз узами. Нитка бесконечной, прямой, как стрела, дороги от горизонта к горизонту пересекает равнину. По канаве спекающие близкими каркасы отмечают вехи проходимого пути.

Они подходят к маленькой узле между камнями, слабо защищенным тенями чахлых кустов, несколько луж дуют, пока их не осушат окончательно. Еще вчера приходил сюда на пыльцах предшественный караван. В обожженной солнцем чаще отпечатались бесчисленные круговые следы верблюдов.

«Стоп!» Стrelки бросятся, чтобы зачерпнуть немногой сточкой воды. На дношко осаждается толстый слой помета и грязи.

Глоток воды. Пить, чувствовать свежие капли на коже! Это счастье.

Сколько еще понадобится переходов, чтобы привлечь к воде такого черного стрелка, как Ахмед? Сколько бы он укрывался на камнях, на коротких привалах, закусывал чем болтал и вновь оказывался в рядах грубых вояк с жестокими лицами, испещренными морщинами. Глаза его вспыхивают в снаряжение взводного. По командам отрядпускается в путь. И снова пот льется по телу, ремни оттягивают о немевшие плачи. За воротниками кара обнажает, как расплывшийся синегорелый пада от усталости и ничего уже не изображают. Моментами кажется, что дошли до последней границы человеческих сил! чи малодушно ждут смерти. Но проходит не...олько часов, и вот по дороге уже человек удашится под еще более жестокий солнцем.

За холмами, установленными проволочными заграждениями, расходятся крутыми опустошениями и разорениями...

Наконец, в один прекрасный день Ахмед очутился на маленьком посту на высоте какой-то горы Арланс. Где? Неведомо. Ахмед остался бы в нем целые месяцы. Там можно, по крайней мере, спать, есть; источник дает свежую воду. Не хочешь больше двинуться отсюда, начинаешь даже любить этот маленький затерянный пост, окруженный опасностью со всех сторон. Днем угромные часы тянулись медленно. За холмами, установленными проволочными заграждениями, развертывается нечто вроде лунного пейзажа. Вокруг поста расходятся крутыми опустошениями и разорениями.

Горсть людей живущих наверху, совершенно оторвавшихся от остального мира. Только шум стрелки или отдаленные канонады напоминают им по временам о существовании других людей. Офицер, два сержанта француза, да десятка три солдат, большей частью марокканцев, составляют весь гарнизон, Лейтенант — славный малый. Его зовут Дешам; его «старик» — землемер по Франции. Он достиг своего чина, проделав всю великую войну во Франции. Он

был дважды ранен, но всякий раз «забывал об этом». Его демобилизовали.

Но Дешам скоро раскусил чудовищный триумф барышников, гнусное забвение мертвых и беспечность живых, ищущих только наслаждения и возможности трясти легку поблеск золота. Вместо настоящих сражений, предпринятых другим борбам кусок хлеба из завтрашнего дня. И он, Дешам, должен был занять свое место в ряду места смиренного и нечестивого наемника. Нужно было сюзь олеи на бегущего и гнущуюся под суровой дисциплиной тех, кому в этой новой армии принадлежит право командования.

Из двух рабов он просто предпочел тот, с которым был знаком и к которому привык за пять лет войны.

И вот Дешам принял решение: вновь озеть солдатский мундир и отправиться в Марокко.

— Ты ничего не видал еще, шенок, — говорил он Ахмеду. Там было не то, что здесь, где еле слышны кой-какие выстрелы. Тебя бы там хо-

¹ В романе дана история мароккансца, попавшего в руки европейцев и вынужденного воевать на их стороне.

рошо выдрессировали. Мне отрекомендовали тебя, как порядочного неголя, но не бойся ничего: я, знаешь ли, справедлив: стараися, и уж я доставлю тебе капральские галуны...

Впоследствии Ахмед покинул пост. Его отослали из-за болезни печени, между тем, как стачки поблизости поста, в районе Эль-Мерса, были в полном разгаре.

Целью забастовки была то, что по почтовым гостиницам. Он застался в душной атмосфере палаток, в голове его шумело, в ушах стоял хрип умирающих. Без конца прибывающие раненые приводили в отчаяние изнемогающий от работы медицинский персонал. Военные врачи в белых халатах разали и отскакивали кочечности красными из кровью руками. Наконец, когда его состояние стало очень опасным, его наспех оперировали и направили в Рец, в больницу, где можно было рассчитывать на более тщательный уход.

Но его охватило беспечствие, и даже близость смерти стала ему безразлична.

Его интересовало только то, что касалось борьбы с повстанцами. Незаметно для него самого в нем просыпалось какое-то юношество, почти симпатия к тем, для кого французские офицеры не находили другого имени, как «грязные».

Он со вниманием прислушивался к рассказам своих соседей по посту.

Надо было спешить, как рассказывали гуземные сестры о себе боях.

Полуподступив в тесном кружке льются их рассказы, как бы из опасения, чтобы не услышали руши (французы), форму которых они, однако, носят.

Их было больше ста тысяч. Между рядами беспрестанно носились их вожди; он был посыду, ни одна пушка не могла его задеть, и все те, кого он касался рукой, делались в свою очередь неизуляемыми.

Сколько раз пришло время думать о битве? никто не мог ответить сказать. С самой стороны битвы в течение нескольких часов стреляли из пушек; уши могли заложнуть от трюка орудий. Тьма снарядов сияла на их окопах. Получились сведения, что вождь находится в Марабу Сиди Абдеррахмана. Артиллерия взяла на мушку белые стены уважаемого святого. Все, казалось, разлетелось вдребезги. И что же? Когда пушицы замолкли, и когда пыль и дым рассеялись ветром,—слышал и первые мысли...—стены марабу¹ были невредимы, еле подпрядывленные машины, снаряды, снаряды и все видели, как позади спокойной удалялась белая джеллаба² вождя. Но отвечай мне по совести, что ты думашь об этом виде?

Так целыми часами сообщались восторженные известия о первых битвах. Помимо своей роли, эти рассказчики были по существу кровными братьями своего вчерашнего врага.

Собственно говоря любовь к сражениям, к «бару», толкала их на братоубийственные войны.

Берберы, первобытные жители Атласа, были склонны к засадам и внезапным нападениям на горных вершинах. Они живут по несложным правилам джемаса—совета начальников патров,—который собирается каждый раз, когда необходимо коллективно решить какое-нибудь дело. И теперь впереди настигла тяжкая угроза их вековой независимости.

Ахмед слышал также, как после кровопролитных битв удавалось окружить, со всех сторон последних защитников. Они отступали из самых высоких горных вершин. Их уже должны были схватить, если бы не вмешательство властителей Атласа, кто вдруг заметил, что с одной стороны их об обороняют головокружающие горные пики, а с другой—огромный, невидимый снизу, дремучий лес в несколько километров защищает их каким-то чудом от всякого нападения.

Они основали наверху целый город и построили марабу. Корпус в восемь тысяч спланировал дезертиры и большая часть легионеров, согнанных со всех сторон, обединились в этом месте и образовали ядро повстанческой армии. Все они были вооружены, кроме тех, кто был изгнан из крепости, и, кроме того, обладали стальной лакированной барбаной, для которых в горных долинах, окружавших их столицу, имелася нежная высокая трава. Сопротивление обещало быть ожесточенным и продолжительным.

Рассказчики сообщали даже, подробности о жизни этого берберского города, который они называли Тюнфи или Тюнфик. Они утверждали, что один старый капрал, немец, оружейник легиона, построил там завод. Из горной селитры и железа он выделял там снаряды и странные

снаряды для лечения больных и раненых. В этом городе грабы, дезертиры, берберы все делали общим: женщин, детей, запасы патронов, продовольствие.

ПЕСНЯ О БЕРЕЗАНИ

Памяти лейт. ШМИДТА

Дул сильный ветер,
качало лодку,
был на рассвете
прибой высок.

За Березанью
зеленой водкой
пол-неба занял
большой восток.

— Дружней на веста.
О детстве вспомяя,
останься взрослым,
густой матрос.

Качало лодку,
покинув землю
зеленою водкой
вокруг лilloса.

О нем—ни слова—
О лейтенанте.
Она готова—
худая грудь—

волной короткой
на Березань ити...
О, если-б лодку
перевернути.

В ногах затих песок.

— Как много здесь людей.
Прибой, как мир, высок
и зелен, как иниде.

Сверкнуло вдалеке
сквозь утро, сквозь волну
на сокнувшем песке
нога одна в одну.

Но—четверо к стоблу—
другие—шагом—долъ.
У Шмидта клон на лбу
и клок залил водой.

И весь преступный Шмидт,
так прост и так далек.
О, как волна шумит,
избегая на песок...

Всю жизнь был приорд рей,
и море мирил взором,
и все хотел назвать скорей
матроса—военмором.

И в этот раз сморт легко
на море и на небо,
искал, кого позвать рукой,
и старт под пули где бы.

Но кто говорит: взвод, пли!
Нет ни прибор, нет ни земли.

От берега дул ветер—
о выстрелах—молчок,
но разве что на свете
бывает неводем.

От берега к рыбалкам
дул ветер низовой
и падал вперевалку
на лодке загребней.

А гроб зарыт заране,
и зарытый гроб
за остров Березани
по Черному оттреб.

Весна—и что за дело,
куда и что исчу...
... о, как волна шумела
под залпы на мысы.

Сергей Бондарин

ВЫЗДОРДАВЛЯЮЩИЙ Ахмед нес теперь в госпитале обязанности помощника санитара. Раненых привозили со всех фронтов. Тех, что были в наиболее опасном положении—арэопланах. Но большинство проезжало десятки километров в горах на спине мула, и снаряжение их долы было быть невыносимы.

Однажды ночью опасно раненный партизан, недавно вступивший в ряды французской армии, упился за кухней Ахмеда, чтобы разбудить его. Его голос звучал, как вздох. В глазах бегали странные огоньки. Он хотел что-то сказать, прежде чем умереть.

— Ахмед,—произнес он,—ты увидишь, эти мятежники неподбимы, и французы, несмотря на всю свою искусство, не могут покорить их, ибо они прядут!

С тех пор Ахмед не мог изгнать этих слов из своей головы.

Влаственный приказ привал народное ополчение, всех выездордывающих и временно отпускаемых на новый фронт риффов. Ахмеда отправили отнять. Но поскольку, несмотря на оглушительный стук фургонов, несмотря на металлический лязг оружия, несмотря на горохот пушек и яростные взрывы снарядов, всюду слышались умы последних слова умирающего. Вслед за дикими защитниками Атласа вставали риффы по велению великого вождя: Абд-Эль-Керима.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ проходят колонны по узким ущельям, точно ударом топора разрубившим горы.

Порой гуськом, порой рядами по четыре или пять зеленых мундиров, змеятся они, медленно поднимаясь вперед.

С тяжелой головой, сгибаясь под грузом снаряжения, или солдаты, словно толкаемые против своей воли.

Наконец, они добирались до какой-то плоскости скального уступа, подпирающего горный выступ высотой. На горнокружающей высоте пик последней сверкающей снега терялся в ярко синих красках.

А по другой стороне, внизу, по равнине расстилавшейся до горизонта, извивались интендантские обозы и караулы с проводольствием. По всем дорогам и тропам, скользящим в одной точке, ползли они, чтобы соединиться у подножия массива. Это напоминало спущальную какого-то колосального спрута.

Сделали привал, и обессиленные солдаты опустились на землю. Ахмеду напомнило казаться, что он никогда не видел Маррокаша: разве не вчера только слушал он, как поют птицы в склонах покрывающих снега?

Не сон ли все это? Как очнулся он здесь, с винтовкой в руке, с мешком и патронами: солдатом?

Они шли драяться; старики не скрывали, что эта поразительная тишина кончится каким-нибудь страшным скрипом.

Под у敲ом огромных гор чувство необходимости одиночества и затерянности подступило к Ахмеду. Он знал, что снаряды, когда мощтятся в этих обнаженных скалах, окажутся отстановляемы кучкой годившихся здесь горек, если руки, чтобы овладеть ими, бросают на приступ батальон на базальтон.

И новая мысль осенила его: быть может, той силье, к которой он вопреки своей воли принадлежал, в состоянии противостоять другой еще неизвестной и более могучая сила?

И неужели не вправе горячка людей, его проклятие по краю презирать все колдовства единства, уничтожения, науки, золота, и с высот гор бросать вызов своей свободы, парализованным рапинами?

Удария встыре, Ахмед поднял, пораженный в самую грудь. Он склонился назад, поток крови хлынул из его грудь. Смерть пришла от пули дикого защитника родных скал.

В «МАРОККАНСКОМ ЭХО» от 9 апреля 1922 г. можно было прочесть:

Из приказа по армии.
«Ахмед, бен Мухаин: молодой волонтер. Въказал примерную храбрость в опасной разведке против Джебала.

Настоящий приказ сообщает о награждении его военной медалью и крестом с пальмой».

¹ Марабу—арабская часовня.

² Род верхней одежды с широкими рукавами.

КАК МЫ КАЗНИЛИ ЦАРЯ

(воспоминания народовольца)

М. ФРОЛЕНКО.

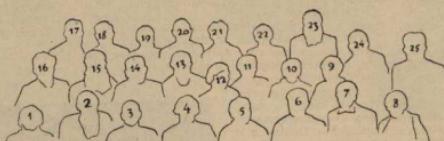
ТОВ. ФРОЛЕНКО является одним из немногих, оставшихся в живых, свидетелей и участников событий 1-го марта. Нижне он рассказывает об этом знаменательном событии в истории русского революционного движения.

ИЗ КНИГ и впечатлений от окружающей жизни революционная молодежь 70-х годов приходила к выводу, что легальная работа в земствах, сотрудничество с либералами, смиренно ожидающими, когда царь покажет конституцию бесполезны. По поводу земств и либералов в их среде ходили поговорки: «корыте моря не передешь» и «цилом в воде не нагреешь». Основной силой будущей революции тогда считалось крестьянство. В 80 годах развивалось движение за то, чтобы ити в народ, в качестве бродячих агитаторов; движение, захватывавшее около 2 тысяч человек. Чтобы вернее сблизиться с народом и укрыться от полиции одевались по-народному в кафтаны, поддевки, сарафаны. Многие революционеры даже обучались плотничать, столярничать, кузнецить, чтобы иметь деловой предлог, оправдывающий в чужих глазах путешествие по деревням. Я тогда с несколькими товарищами отправился на Урал набирать войско из беглых угодников; конечно, эта затея кончилась неудачей. Вся эта масса, главным образом, молодежь хлынула в деревни в 1873—74 годах. К концу 1874 года почти все они уже сидели по тюрьмам. Но на место арестованных появляются новые работники. Движение принимает иную форму: ходение в народ заменяется длительным поселением в нем, в качестве фельдшеров, учителей и т. д.

Вместе с тем, в народническом движении появляется новая сгруп — бунтарская.

Крестьянство относилось довольно прохладно к словесной агитации за революцию. Тогдашие революционеры пришли к выводу, что им остается один выход: агитация делом, использование крестьянских земельных волнений на службе революции. К такой агитации делом и готовился в 1876 году в Киевской губернии кружок — обучался стрельбе и верховой езде.

Развивается террор. Убивая градоначальников и губернаторов революцион-

ВETERANS BORBYY S ЦАРИЗМОМ. Ostatyvayushchiye v zhivotnykh chleny gruppы «Narodnaya Vоля»: 1 — Бродская, 2 — Черниевский, 3 — Грешинич, 4 — Перл-Бразинская, 5 — Яковова, 6 — Иванова-Бородина, 7 — Финнер-Сажина, 8 — Морейнис-Муратова, 9 — Шеболина, 10 — Ульянова, 11 — Ерина, 12 — Гуревич-Фрейдель, 13 — Сабедров, 14 — Сокин, 15 — Ростковский, 16 — Роман, 17 — Геденовский, 18 — Шаблин, 19 — Фокары, 20 — Пешекеров, 21 — Васильев, 22 — Геденовский, 23 — Слуцкий, 24 — Ракитников, 25 — Брамсон.

нери думают, с одной стороны, поднять народ на бунт, с другой, запугать правительство, чтобы оно пошло на уступки. Но гонения правительства не уменьшились. Революционеры приходят к убеждению, что «лес большой, всех деревьев не порубить, надо приняться за лесничего» — за царя.

Покушение на царя открывает неудачный выстрел Соловьева в 1879 году. Неудача заканчивается взрывом царского поезда в 1879 г. и взрывом царской столовой Халтуриным в 1880 г.

Все силы небольшой группы «Народная Воля», насчитывавшей всего около 3 десятков человек, направляются на организацию покушения.

По воскресеньям Александр II ездил в Михайловский манеж, производил разводы солдат. Ездил по Малой Садовой или вдоль Екатерининского канала. На Малой Садовой заложили под мостовую мину. Подкоп вели из подвалов, загrimированного под склад сыров. Кроме того, на случай порчи мины, на

улице должны были находиться четыре металлические с ручными бомбами. Несмотря на все затруднения, несмотря на слежку жандармов за помещением на Малой Садовой, устраивавшим там даже обыск, несмотря на арест Желябова 27-го февраля, почти на кануне покушения, дело доводится до конца под руководством уже не Желябова, а Перовской.

1-е марта. Бомбы разданы металлическим. В сырой лавке, в комнате, выходящей на улицу, дежурил я. Я стоял у стола и неотрывно смотрел за окно.

На столе находился сосуд с раствором, дающим ток при смыкании. При проезде царя надо было только погрузить в раствор второй стержень, чтобы замкнуть ток, нужный для запала мины. Царь что-то долго не ехал. Оставшаяся со мной «хозяйка» лавки вышла узнать, в чем дело. «Поехал на канал», закричала она, возвращаясь. Лавка больше не нужна. Я ушел и уже на улице услышал взрывы — один, потом другой.

Дело было так. Когда выяснилось, что царь поедет вдоль

канала, Перовская, руководившая металлическими, направила их туда. Первый металлический Рысаков бросил бомбу в карету царя. Бомба разрушила заднюю часть кареты. Царь выскочил невредимым. К нему подбежал Рысаков. Собралась толпа. В это время появился второй металлический — Гриневицкий и бросил бомбу, тяжело ранившую царя и его самого. Царь, истекающий кровью, не додалась внести в ближайший дом и сделал ему перевязку, но повели во дворец, где он и умер через 2—3 часа, вследствие потери крови. Цареубийство не привело ни к каким уступкам правительства. Царизм еще крепко стоял на своих ногах и не малой горсткой, хотя бы то была горсточка героев, довелось поколебать эту громаду. А пока революционная Россия заплатила дорогой ценой за убийство царя: пять революционеров были повешены: Желябов, Перовская, Михалов, Кибальчич, Рысаков, а шестой — Гриневицкий умер от ран, полученных при взрыве.

ОБЫТЕ

АНКЕТА «СМЕНЫ»

ДЕЛЕГАТЫ на 7-й съезд Комсомола от Казахстана!

ОБ ОТВИЛИВАНИИ, ПЛОХОМ ЗДОРОВЬЕ КУТЕЖАХ ВСКЛADЧИЧУ И О МОДНОЙ ЮБКЕ.

Политпросвет общефабричной ячейки Красногорской Трехгорной мануфактуры и работница-комсомолка этой фабрики—т.т. Мейер и Петрова.

СТРЕМЛЕНИЕ ребят, как можно лучше жить, личные интересы приводят к нарушению общественной в разрыв с общественным делом. В этом заключается причина всех отрицательных явлений, которые можно наблюдать среди молодежи в настоящее время и с которыми борются очень трудно, потому что не все зависят только от комсомола. И если даже комсомол и перестроит свою работу, что совершенно необходимо в настоящий период, то и тогда отрицательные явления не исчезнут совершенно. Нужно, чтобы партия и вся пролетарская общественность помогли комсомолу в борьбе за качественную молодежь.

Принцип тот, как безразлично относится комсомол к общественной работе может служить хотя бы та факт, что комсомольский товарищ грузка выполняется как непринята и грешная обязанность. Отношение к своему делу, к порученной работе самого халатное, лишь бы сбыть с рук, и если работа выбирала, то перенебрегалась, как обожвление. Никакой приданности делу, никакого увлечения работой нет. Исправить это можно при помощи воспитательной работы, но нужно, чтобы это была действительно воспитательная работа, а не только по назначению.

В области различавшем отрицательных явлений сколько угодно, но это уже не новость. Нужно только сказать, что некоторые ребята доходят до того, что отрицают кутежи вскладчине в пивных, кабаках, в ресторанах.

В театрах не ходят, во-первых потому, что театры в центре и, чтобы посетить театр много денег: и билеты, и раздевалка, и трамвай, во-вторых, потому, что плохое само лежет, оно тут же под боком, на окраине, в виде пионов, или вечерок, а хорошее надо искать, да еще и уметь выбирать. Клубы тянут вечную нудную канитель любительских спектаклей, и молодежь использует клубы, как место для встреч. Плохо обстоит дело и со здоровьем. При тяжелой работе и раннем вставании, ребята гуляют до поздней ночи.

Здоровые ребята подготавливается.

Интересно отметить еще такое явление: появился какой-то ложный стиль, за плохую, или простую, но модную одежду. У всех стремление быть одетым не только прилично, но так, как одеваются в городе, в центре.

Однажды на вопрос журналисту не пойдет ли 1-е Госкино посмотреть «Броненосец Потемкина», парни ответили: «Ехать в город, в кино, значит, надо быть одетым не хуже других. Там небось, все широкими разодеты. Не спрашивают, ведь ты — рабочий или нет, а смотрят по виду. Чем же я поеду, «на-смех»?

Среди девчат увлечение одеванием тоже переходит границы. Одевают друг от друга платья, чтобы пойти на вечерку и т. д. «Хоть в чужом зато по моде». Замужество, и свою самостоятельную и обеспеченную жизнь на первом плане.

Отходят от работы в комсомол после замужества. При вступлении в комсомол многие руководятся материальными соображениями: пе-реять, при помощи ячейки, на такую работу, где можно получить квалификацию, или в надежде на то, что пребывание в комсомоле гарантирует оставление на фабрике в случае сокращения.

Одним словом, очень много отрицательного, и часто можно бороться своими силами, но часто ничего нельзя сделать без помощи со стороны. Все же главное—это перестроены комсомольскую работу—иначе ничего не выйдет. Кроме того, нужны воспитывать крепкий актив, закрепив за комсомольскими ячейками ряд работников на продолжительное время. Новый актив растет теперь медленнее, чем раньше, и когда они уходят, то на их месте не остается равнодушных. Полную воспитательную работу проводится не кадров, опытных, выдержанных пропагандистов, а одновременно—бюджет секретарем или полноправным, корреспондентом, который наблюдает отрицательные явления, а борется с ними он сам не в силах. Кроме того, партия должна дать больше людей по крайней мере для обработки актива.

О КОРЫСТНОМ КОМСОМОЛЬСТВЕ, О СТЫДЕ И ФОРСЕ ПО ПОВОДУ КВАЛИФИКАЦИИ И О ЛЮБИТЕЛЯХ «ТЕЛЕСНЫХ ЧУЛОК». Политпросвет цеха «Броненосец Потемкин»—т.т. Труд—т. Яков.

Виноделательный завод «Красная Пресня».

НАИБОЛЕЕ бросающимся в глаза отрицательным явлением в быту известной части молодежи является желание использовать комсомол в своих целях. Особенностью она заметна среди взрослого юношества. Очень часто можно услышать такие заявления: «Если бы перевели в другой цех, так я бы поступил в комсомол». Молодежь стремится получить квалификацию, но в этом стремлении она интересуется только большим заработка, который будет при высшей квалификации. Сознания, что большая квалификация даст более интересную и более плодотворную для производства работу, нет. Применимости квалификации для той работы, которую ведет перед другими, какой-либо не имеет. Неквалифицированный рабочий. Неквалифицированный рабочий, который не имеет квалификации своей работы, и перед девушками, например, никогда не признается, что они чернорабочие. Квалифицированный молодой рабочий отходит от ячейки, он чувствует себя самостоятельным, начинает «форсить» и критикует все, что делает ячейка.

Стремление к самостоятельной жизни, к тому, чтобы иметь свою деньги, приводит к спорам и к скандалам в семье, потому что парень хочет оставить себе побольше денег, чтобы их прогуливать.

Выпивка в получку самое обычное явление, и тот, кто совсем не пьет, считается каким-то дураком.

Очень отрицательным является и то, что никаких различий, кроме умственных, забывают: пионники, вечерки, которые за последнее время очень развились на окраине, — ребята не признают.

Кино очень любят, но посещают только картины «с любовью» или с сыщиками.

Я спрашивала ребят, которые видели «Бухту смерти», понравилась ли она им, так они сказали, что это «детская картина, потому что в ней нет любви», и что они совсем неинтересны.

Парни, которые имеют лишние деньги, посещают оперетты, а в другие театры не ходят.

Очень плохо то, что подростки стараются подражать во всем взрослому юношеству; привыкают пить, посещать зачесы, как у старших.

ГРУППА БАТРАЧЕК-ДЕЛЕГАТОК на 7-й съезд ВЛКСМ: в середине — делегатка из Саратовской губернии, по бокам — украинки

Самое лучшее удовольствие теперь «цыганская» (чечетка на особый мотив). Пляшут все, и подростки стараются перешагнуть взрослых парней. «Цыганка» на Пресне стала эпидемией.

К девушким отношение, по-моему, также очень плохое. Парень, все равно, беспартийный или комсомолец, ли за что не пойдет гулять с девушкой, которая просто одета. Чем больше она одета по моде, в «телесные чулки» и пр., тем больше у такой девушки «кавалеров».

Девушки большие любят гулять с беспартийными, потому что ищут мужа с хорошим зарплатой, а у нас комсомольцы низкой квалификации.

В чтении тоже много отрицательного — юношеской газете, особенно «Молодой Ленинец», никто даже и знать не хочет. Зато увлекаются «Комаром» и «Крокодилом». Из беллетристики — читают мало, а если и читают, то выкалывают какие-то «Петербургские трущобы» и чуте не дурются из-за такой книжки.

Бороться со всем этим, по-моему, можно только тогда, когда комсомольская ячейка, по-литрукции, клубы совершенно изменят свою работу, если работа эта не будет такой сухой, скучной. И в то же время надо строго относиться ко всем нарушениям комсомольской дисциплины, чего теперь нет. И потом надо, чтобы в каждой ячейке было несколько парней, преданных работе и самоотверженных, чтобы с них были пример.

Н. И. БУХАРИН — к его докладу на 7-м съезде,

7-й С'ЕЗД ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

СНИМКИ
Ф. ЗУБКОВА

РУКОВОДИТЕЛИ
КОМСОМОЛА.

(Верхний ряд, сверху
вниз)

Генеральный секретарь ВЛКСМ—Н.ЧАПЛИН.

Секретарь Комсомола Украины—т. ВЫСО-
ЧИНЕНКО.

Секретарь Комсомола Дальневосточной об-
ласти—т. КУЗЕНЦИ.

Секретарь Комсомола Белоруссии—
т. БАРАННИКОВ.

Секретарь Комсомола Кавказстана—
т. КУЛЬМАТОВ.

Секретарь Комсомола Закавказья—
т. РАХМАНОВ.

(Нижний ряд, сверху вниз)

Секретарь Комсомола Сибири—
т. КУДРЯВЦЕВ.

Секретарь Ленинградской организа-
ции—т. СОБОЛЕВ.

Секретарь Комсомола Узбекистана—
т. ИШАН-ХОДЖАЕВ.

Секретарь Комсомола Туркмени-
стана—т. АГАНИЯЗОВ.

Секретарь Комсомола Средней Азии—
т. ПАВЛОВ.

Секретарь Комсомола Татарской Респ-
ублики—т. БЕНДЮКОВ.

ДЕЛЕГАТЫ после
работы возвращаются
в общежитие.

Общий вид зала съезда (Экспериментальный театр).

ПРЕЗИДИУМ С'ЕЗДА: сидят справа т.т. Соболев (Ленинград),
Высоцкий (Украина); спереди—т. Миловиков. СЛЕВА—делегаты
от Черноморского флота.

ВНИЗУ (справа)—ОЧЕРДЬ ЗА ОБЕДОМ: делегаты седьмого комсо-
мольского съезда в очереди за талонами на обед. (Общежитие 3-го
Дома Советов). СЛЕВА—САМАЯ МОЛОДАЯ КОМСОМОЛКА НА
С'ЕЗДЕ—т. Пашаева, 14 лет, из Дагестана.

«Я пожалую журналу
«СМЕНА», чтобы он
появился вострельцом но-
вой жизни среди турк-
менских девчачек» — при-
зывы членов «СМЕНЫ» от
туркменок-делегаток, на-
писано на ее родном
языке (вверху).

А. И. РЫКОВ привет-
ствует съезд в день его
открытия в Большом
театре.

ДЕЛЕГАТЫ
СЪЕЗДА РАКСМ

میر ناچار داشت
که زوری ایشان را
تعریف کنند
آرایه ساخته شد
و آن را معرفی ننمایند
لیکن این کار نمیشود
لیکن این کار نمیشود

БЕДНЯЦКИЙ АУЛ в горах Джетысу-Семиречья, Казахстан.

НАКОНЕЦ, после пяти лет разлук я снова мчусь к тебе смуглого золотая степь-кочевница, позолотившая своим сурьмовым солнцем безоглядное мое детство.

Оренбург остался позади. И сразу степь распласталась перед нами, спокойная и необыкновенно немая... По желтому серпью покрову жилистых степей, покоящихся она над всем и столовыми наездами, и такоже смотрит в знаменное синее небо серо-зелеными своими раскосными глазами.

Вон бурыми щеками прижались к земле юрты... и струйка дымы и рванострое пятою барабанов. А вот и видим на коне, поджаренным солнцем и засущенным степными ветрами. Придерживая пугающегося коня, он космы нетерпеливым глазом провожает громко-хахающие чудовище.

Несись, чертова арба! Глотай версты, про-

стора хватай!

НА ПЯТЬЕ сутки Аулия-Ата. Река Талас, играющая своей горно-хрустальной поющей водой. Начинается восточная Киргизия. Дымящиеся зуны и табуни, зеленые долины, прильнувшие к ногам синих великанов — гор...

Здесь пять лет назад ехал я на лошадях, на верблюдах и на быках... Телер паровоз орт, колеса стучат и столбы мелькают... совсем как в России...

А вот и русское село. Сады, огороды, белые избы, церковь, пластины, телеги... Это еще что! А та есть настоящий украинские села... Да, да... Белые хатки в вишневых садочках, золотоловые подсолнухи и глиняные горшки на плетнях и чистая «Украинка моя»...

Когда генерала Черниев, Колпаковский и К^и «покорили» эти края, в с.-петербургских

московских газетах было объявлено, что желающие ехать туда на службу и нажитательство, получают в трибонном размере жалованье, великое множество подземных, суточных, квартирных и прочих монет, повышене в чине, по-жизненную пенсию и другие блага. И предпримчивые люди ехали. Инженеры, техники, землемеры, разбивали города в раструбах горных ущелий, в Верхней Европе.

Крестьяне, когда им предусмотрительно сообщили о неискаженных богатствах истронутых земель, с травами и горной воде расплодились свои хозяйства и или переселенцами или новые невиданные места в Азию. Шли из Украины, Великороссии и Сибири, шли тысячи верст южными безлюдными степями на лошадях, на воязах, обозами... деревенями.

Они не раскаялись:

Переселенческое правление или, как крестьяне говорили, «переселенное» щедро нарезало жирными кусками лучшии богатые и полинные земли под самыми горами и на «привалках», где доступно.

И серо-розовая лесовая целина не скучила, давала с десятинами до 200 пудов и больше зерна.

И каждый год все больше тянулись в Семиречье обозы переселенцев, скрипом телег тревогу степную тишину и запахом черниговского дегтя и кременчугского махорки разгоняя недовинный бромят полны. Скоро вся подгорная долина, где только была вода и где, следовательно, мыслима была жизнь покрылась пашнями, бахчами, селами, деревнями и городами и зажила новой невиданной жизнью...

Все шло хорошо, только... «хозяина» то не спиранили, где же был же? Киргизы, которые уж не помнили, когда он «увинился» с собой хзызином у себя дома (до российских там властявили ханство кокандское), и теперь ему некуда стало кочевать с табунами в мае, когда степь трескается от жары и травы трещат и ссыхаются.

Единственное, что получил казак от всей этой истории, так это новое имя: «казак» и даже «киргиз» писалось только на бумагах, в жизни же стали его звать «немакамыс», «ордокум» и «бобак».

А жизнь его и впрямь стала не лучше побачьей: стесненный в глухой пустынной степи, казак голода и мера в землянке восьми месяцев в году и жил только мысленно о спасительнице-весне, когда можно будет кочевывать на горные цветущие травы, которые дают жизнь и табунам и людям в течение 4 месяцев.

ПОЖЕЛЕЗНОЙ дороге до Пишпека — родины тор. Фу из с. Дальше — бирчес на Караган-Сары, глубокую степь.

Этой Пишпекской весной сплошным выжженным телом тяготится к сырому подножью уходящих хребтов. Разбитый Семиреченский тракт. Караваны верблюдов и обозы чумаков-бывчиков, труженые керосином, медленным шагом взвишают тучи горячей розовой пыли. Азия...

На одиннадцатые сутки — Алма-Ата (отец яблок).

НА ПЕРЕВАЛЕ

ДО РЕВОЛЮЦИИ города Алма-Ата (тогда «Аулия-Ата») считалась самым первым из персидских городов — «албоянами». Правда, и то и другое здесь более чем примечательно: тressения эти настолько чащи, что к ним привыкли и даже приспособились (после того, как в 1887 году разрушило город почти до основания), а красный вериенский аэропорт, достигающий нередко почти 2-х фунтов веса, по вкусу и аромату не знает себе соперников в СССР. Местные патриоты вычитали даже где-то признание в мировом его первенстве, и все же теперь в Алма-Ате есть вещи, куда более достопримечательные...

Город — это зеленый запущенный сад (в средине Азии знают цену растению, поэтому всюду, где земля «зелена» и в этой заросли теряется коровье ушище, еще более коричневое зеленое и ряжко коричневое трюфели). По обе стороны улиц, журча и фырка, катятся аркы¹ светлой, как слеза, горной воды омыла корни карагача, тополя бересклета... И так как до железнодорожной дороги 240 верст то по улицам попрекнувшись танцующим шагом проходят стенные караваны верблюдов, вьючных солью, шерстью, рыбой с Балхаша, кожами.

Казахские женщины с детьми.

Тут нет фабрик. Тут нет ничего городского. На базаре нет и никогда не было ни зданий, ни пагод, ни архитектурных верблюдов; заливают бойко торговавшие китайские харчевни да узаколький пунгани² возят на ручной тележке двухваршанную свою холодную лапшу, которую тут же на улице, присев на корточки, едят палочками, и горячим ополупышательным воллем возвещают полгорода:

— О-э... Шлянифуз-э...

ТЕПЕРЬ КАЗАКСКИЙ НАРОД, занимающий около 3 миллионов кв. километров земли, впервые с тех пор как существует и живет в мире, не называет свое государство, потому что оно называется этой землей.

И теперь земля ломает вековую его кочевнический путь, и в мухах рождается новая жизнь. Глядя на эти мухи, обиженный русский кулак запорадствует: он определенно пессимистически смотрит на это: перерождение — не быть «ордокуму» и «бобакином»...

Семиреченский кулак — не какой-нибудь, не то, что, скажем, российский обычновенный кулак, исподволь выкликанный соки из своего одиночесличинца-бывшего, бывшего может быть, когда-то другим детством. Нет... Этот имел дело не с себе подобными, его жертвой был — «собака»... Этот презирал и ненавидел «ордокум» лютой ханчаниностью. Этот грабил вшивного и голодного

БОГАТЫЙ БАЙ из Казахстана. В тех местах, у которых имеются с колосами лошади и в несколько раз большее число баранов, призываются только взрослым. Боятесь начинаться уже после сотни ломадей.

¹ Арк — канал.

² Дунганс — одна из монгольских народностей, перешедшая из Китая в русские владения в 1871 г.

(СОВРЕМЕННЫЙ КАЗАКСТАН)

С. ЧУЙКОВ, снимки автора

«нечистя», подавляя гадливость и отвращение и боясь набраться ищей. Этот считал за непростительный грех перед Богом дать «немаканскоому напиться из своей посуды...» И этот еще был... был жестоко и именно как собаку, никоном, чтобы не запачкать рук, бил, к.к. «врага христа», уверенный в высшей добродетельности своих действий...

— Житья нету... — плачет теперь кулачок, — землю отобрали, оровокам отдали...

Ну, а теперь как... долойны? Пашут?

— Х-хе!.. Сказали тоже... Будут они пахать, как же! Да что вы, не знаете их, что ли: им бы на джейлапе лежать, да в небо плевать. Все бросили и убежали, а земля пустует... Вот вам политика ваша...

«Ну, думай, мой ласточка, пой...»

— Надо будет с'ездить на джейлап... хорошо там...

Было хорошо... А теперь суньтесь... Было, приедешь, в старое время, сейчас тебе баран режут, кумыс, там всякая всячинка... а теперь — кудат там, хозяева... как же.

* * *

ПОДНИМАЕМСЯ... Полоса листьевенных лесов и сельников осталась далеко позади, здесь по лесам пронизанной алтайской растительности — травяной ковер, который трудно разодрать, чтобы увидеть землю, а выше на утесах залегли вечные снега.

Покатая ровная и зеленая долина усыпана рыхкими куртами. Это и есть джейлап, т.-е. лестница кочевников. И по долине и по склонам нестягаются табуны баранов, коров, лошадей. У юрт привязаны оседланые кони, и от юрт стягиваются по траве голубые и пахнущие кизяком хвосты дыма. Синее небо, зеленая земля, бурье во мхах утесы и влажные, тучные облака табуни на пасутся на вершинах.

Тот же, будто, покой и те же, кажется, песни сумерки и костры.

В ВЕРХУ: АУЛ В СТЕПИ на Курданская перевал. Это очень характерный вид в степной части Казахстана.

СЛЕВА: ДОНЕНИЕ КОРОВЫ на юрты зажигательного казака (киргиза). Снято в Джетысу, Казахстан.

СПРАВА: КАТАНИЕ ВОЛЛОКА в горном аулу. Это одно из специально женских занятий.

СЕНОКОС в горах Джетысу, Казахстан.

Правда ли, что тут ничего не изменилось за эти несколько коротких лет? Москва? Разве не трудно поверить, что ее не существует, даже человеку, жившему позади выехавшему оттуда?

Здесь века вспоминаются суровые и неподвижные, как эти сине-лиловые вершины, закованенные в лазурную броню.

Здесь табуны. Бьются жеребцы — ключами отлетают шерстяные, и трубным залпистым рожаньем полны ущелья... И качаются круглые кудрошки курчавых баранов, неторопливо хрумкающие упругие травы. И все от них, от табунов: жерлице (орт), одежда (шуба, чапан), пища (мисо, айран, кумыс), топливо (кизяк), все... Изменилось ли? А вот посмотрим... Входим в аул.

Подростки в баранных шапках, темнобрюзовые от солнца, шумно играют в асыны (бабки). Тут же безмятежно бахтаются в траве беспутные и совсем голые.

— Эй! Аман! Аман! — склали зубы, здороваются с намеком ребята.

И сейчас же, вспоминаются слова кулачка о «старом старом времени». Вспоминается, как в это «адзоре» время при появлении русских в панке разбегались ребятники и дети с плачем прятались в складках материнских платьев, как женщины укрывались в юртах, а мужчины.. резали барана... Есть о чем показать кулачку.

И только собаки не забыли свою непримиримую ненависть к европейскому костому.

На русских у них особый лай — сугубо хриплый, яростный, надрывный и неутолимый.

Из всего аула десятками, лохматыми, с ключками

бурой шерсти набрасываются на вас, кажется,

на куски разорвут, и будут лаять хоть весь день, хоть неделю...

В тот день был праздник, и джигиты по обычью, освященному кумысом, разлагались бегами с козлодрессом (конкар).

День был сине-зеленый и яркий. Мы сидели на траве и смотрели на изумрудную дымящуюся долину, там от юрт к юрте гарцевали праздничные толпы конных джигитов, готовясь к торжеству.

Полошли два парня и, подворовавшись, сели с нами. Один был в новой рубахе, красной,

как мак, у другого была в руках самодельная двухстворчатая домбра, издававшая покойный краснющий звук.

Эти ребята были настроены неважно, так как не могли принять участия в конкрапе (у них было по одной лошади, и обе они захромали в прошлый праздник).

Мы говорили с ними о классовой борьбе в ауле. Они смеялись над джигитами, которые должны будут выйти победителями и сегодняшний союзниками, так как, имея табуны лошадей, не нужного особенного умения, чтобы победить «карачаков», неделями не вылезающих из-под седла. Говорили о багаче Тасыре у которого, сколько ни разоряла его революция, все же больше сорока кобыльц, и из них посыпало штуки пятнадцать дойных; что он пропитывает кумысом и еще сделает белыми, богато убранные, юрты, русским языком, что он, несмотря на все это, все же сумел втереться в союз «Копчик» (Балык) и еще тридцать борется с его алиганием в душе, но что все же он, Тасар-бай, теперь далеко не так могуществен, как раньше, когда него были сотни лошадей и тысячи баранов.

Ну, а как хлеб, сеете?

— Сеем.

— Не все поди?

— У кого скота много, тому зачем сеять? Тому только траву надо. Джейлап.

— Ну, а вот вы тоже на джейлапе...

— Если пять баранов имеешь, все равно пойдешь на джейлап, в степи сейчас одному барану нечего есть, все спорело. Хлеб поспеет — баран и еще тридцать борется с его алиганием в душе...

А сейчас тут сенокосы в горах, винчи...

— А что же хлеб там без хозяев стоит?

— Там тоже живем, — терпеливо объяснял парень и указал рукой на джейлап, — видишь, юрт почти нет, все балаганы... а юрты там...

Взглянув, я понял еще одну перемену, которую до сих пор чувствовал, но не мог окончательно себе уяснить: вместо обычных юрт кочевнической архитектуры стояли наскоро поставленные «балаганы» из дубообразных веток, укутанных кошмами. Юрт же было всего не-

сколько и принадлежали они наиболее зажиточным, не занимавшимся земледелием.

«Значит, главное все-таки не здесь, а там...
у хлеба... у земли...»

НА ПОЛУ посреди юрты дымился кизяк для прикурки. Мы жадно курили махорку только что привезенную по заказу из города, и старый Тажи, около сорока лет батрачивший у русских, ловко сплевывая в огонь, говорил:

— Совет нам землю дал... Спасибо Совету...
А крестьянин говорит: какой он, говорит, киргизский? Хорошо, если хороший, а я не знал бы он пахать без хорьства. У нас где хорьство? Ничего нету. Давали на два, на три и на пять семейств один плуг и одну телегу. Когда у лошади пять хозяев—дело не пойдет, сам знаешь. Просили: —дайте каждому плуг—нету. Конечно, нас сколько тысячи, где возьмешь? Вот и трудно. Крестьянин говорит: зачем на джейлэв каучусь...
— Правда, другой казак есть... не понимает. А вон там, вон там, там тебе хорхы не было, так ты весь аул побегал как птенец и ничего работать не мог... почему так? Причина. Да. Вот и подумай теперь... Зимой, знаешь, как живем... есть нечего, холодно, кругом снег, в землянике лым, грязь, вошли... Снег кушает, кушает—сдыхает... Вот жи-

вем... весна придет, скотина на ногах не будет... Скотина, привыкшая начинать, через неделю трансформируется в курицу... тоже так: одни кости—тоже в горы хочется в гравах на джильзее скотина, там и молоко и кумыс и мясо, там вода хорошая, куда пойдешь?.. Конечно, будет хорошее хозяйство... лхеба на всю зиму... скоту клеверу... хата теплая, одежда хорошая... тогда кто будет кочевать? А сейчас Краснодар зря рухнет. Да. Изве- стно дело - по новой дороге конь плохо идет... все время падает. Вот и наша новая дорога... Идет казак, ну, тяжело — дороги не азет, а тут привычка...

РАСКАЛЕННАЯ степь пышет зиою. Желто-серые скоревшие травы хрупки и ломки, как стекло... С юга окована степь синим поясом гор (они отсюда кажутся заманчиво прохладными и влажными). На севере она уходит за горизонт, и бескрайнюю его гладь разнообразят куполающиеся в мареве курганы.

— Что за стены?
— Киргизы строятся.
Товарищ мой широким движением руки показал на запад и на восток.
— Теперь тут кругом, где только проходят речки, нарезаются земли и начинают застраиваться.

— и пахнит застрав-
ваться... тут и пашни ихние...
Работы на постройках сейчас приостано-
влены—идет уборка хлебов.
Страда. Хлеба горят.

Проезжая мимо одной из пашен слышим оклик:

— Эй, знаком! Две фигуры, выше пояса скрытые пшеницей, смотрят на нас, черными руками защищая глаза от солнца.

— Э-э.. Байгул! — узнал я парня с джейлява. Покурили. Поговорили.
— Жарко... — после паузы сказал Байгул, щуря и без того узкие глаза на пламенеющую стерню.

— Да,—а на джейляве вчера снег выпал...
Байгул быстро повернулся к горам. Намеченный взгляд его безошибочно остановился на

Не отрывая от гор тоскующего взгляда, такого взгляда, каким смотрят только вслед уходящей навсегда любимой девушке, он вздохнул и сказал:

— Джейляв... хорошо...
Когда мы уже от'ехали, я обернулся и видел, как Байтул посмотрел еще раз в сторону гор и медленно поплелся к подножью.

Я вспомнил слова старого Тажи:
«По новой дороге конь плохо идет...»

Что нового дороге конь плохо идет...»

И ОПЯТЬ в окно вагона видно повисшее мокрыми лохмотьями серое небо и мокро-зеленые луга и леса: Сызрань, Рузычевка, Рязань...

А там далеко совсем другой, неопечатанный... Там коричневые от солнца люди разгибают костлявые спины и, смыкаясь, испытующими косями глазами в новую дорогу, ведущую в новые неведомые дали, медленно

НЕ нужно скрывать того, что у нас еще сохранился среди малосознательных рабочих антисемитизм — ужасное наследство от царской России.

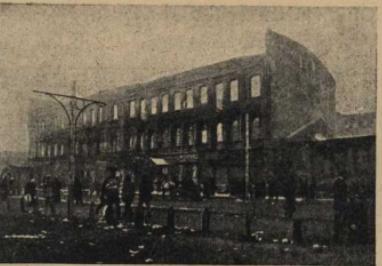
Десятилетиями прививалась массам бацилла национальной ненависти. Вот что говорит Владимир Ильин: «Антисемитизм называется распространение вражды к евреям». Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев». Оказывается—национальная борьба была способом предотвратить борьбу классовую. На революцию царское правительство отвечало погромами.

И не нужно думать, что только на евреев натравливали. Кто не знает о ненависти к армянам на Кавказе, к киргизам, туркменам и многим мелким народам на Востоке? Не нужно думать что только в России практиковались такие приемы. Кто не знает о погромах и угнетении малых наций в Румынии, Польше? Разве там украинцы не попали на положение евреев? Разве турки не брезали, не громили греков, как у нас брезали и громили евреев? Разве даже в просвещенной Германии фашисты в ответ на подъем волны рабочего движения не были скелты в европейских лавках и не поднимали травли? Всегда и везде правящие классы пытались утопить ненависть к богатым в лужах крови угнетенного народа. Безды и всегда анти-еврействия являлись громоотводом, посредством которого спасались власть имущие от бури народного гнева.

были погромы особенно обильные и свирепые, чтобы это стало совершенно очевидным. 1881 г.—1905 г., 1919 г.—вот верховные столбы в истории погромов. 1881 г.-го марта бомба убила императора Александра II освободителя. Первый раз революция заставила содрогнуться эксплоататоров. Среди участников покушения, среди революционеров был один еврей, игравший совершенно второстепенную роль, но защепка была найдена.—«Жиды убивают русских, жиды убивают царя»—покатилось по России, и вслед за этим зловоние шли погромы.

ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ обезглавившие от крови белогвардейцы особенно зверствовали во время погромов, не щадя никого. На снимке—еврейская семья после прохода Добровольческой армии через местечко около Фастова.

«АНТИСЕМИТИЗМ — ЭТО СОЦИАЛИЗМ ДУРАКОВ»:
здесь изображен дом на Провиантской улице в Екатеринославе,
разграбленный и сожженный во время большевого погрома
в 1905 году.

ПРОКЛЯТОЕ

В. ПЕТРОВ,

резня, зверство - 150 погромов насчитывают те дни.

1905 г. Первая революция. Невиданным размаху этой революции соответствовал невиданный размах погромов при подавлении революции. Кругом шла дикая резня. «Вот мат спонд на трупином десятилетней девочки (пишет очевидец белостокского погрома), покачивает головой и шепчет с мольбой: «Доченька, пташечка». А девочка лежит с полузакрытыми глазами, в которых застыл ужас, со щитковой раной в груди. Дальше, две рабочих с перерезанным горлом. Вот старик учитель, с глубокой раной между глаз, в которую вбит гвоздь...—Все самая горькая беднота. И длинные дороги, облитые кровью, каждые полчаса везут жертвы во двор с новыми трупами»

На Кавказе, где евреев мало, контрреволюция свою душегубскую работу должна была выполнить, устраивая армянские погромы. Они во всех отношениях напоминают еврейские — чувствуется, что одна и та же рука их делала. «Уже пятый день идет организованная резня армян... Хулиганы ходят по городу с проретром государя и флагом, сопровождаемые офицерами и войсками, останавливаясь перед заранее намеченными армянскими домами. Производя перед ними панику выстрелами, уверяют, что из этих домов стреляли, начинают грабить, затем и поджигают их под прикрытием войска. К подожженным домам толпы не подпускают пожарную команду. Из них выводят всех обитателей, кроме армян, которых там склоняют. Спасающихся подстреливают войска». 20 октября началась погром, а 25-го, когда трупы были уже свезены, генерал-губернатор разразился приказом о «сохранении порядка».

Так устраивались все погромы.

«Ненависть измученных нуджей рабочих и крестьян — пишет Владимир Ильич, помещики и эксплуататоры, старались направить на евреев, чтобы отвлечь его взор от настоящего врага труждящихся — капитала. Вражда к евреям держится прочно только там, где кабала помещиков и капиталистов создала беспрозветную темноту для рабочих и крестьян». Рабочий недоволен.

«КАК МОЖНО УСТРАНИТЬ КОНКУРЕНТОВ»—внутренность еврейского магазина после погрома (Екатеринодар, 1905)

НАСЛЕДСТВО

снимки из архива «СМЕНЫ»

ему трудно живется, со всех сторон притеснения и несправедливости. К нему приходят люди и говорят: «тебе плохо—это жды виноваты», ему рассказывают что они поставили себе целью загубить русский народ.

Каждый рабочий должен продумать и понять глубокое замечание Энгельса: «Антисемитизм—это социализм дураков». Он происходит от того, что несознательный рабочий или крестьянин не знает выхода из мрачного тупика, в который загнала его жизнь, и его можно обмануть, показав ему ложный выход, тем самым заставив его действовать против собственных интересов.

Торговцы и лавочники, верные охранители царского строя, ненавидели евреев еще и потому, что они были очень сильными и оборотистыми конкурентами. Недаром лавочники обычно и были самым активным элементом во время погромов. Но крупнейших капиталистов—евреев—не резали. Обычно генерал-губернатор любезно присыпал специальную охрану, размещавшуюся в богатых квартирах. Этим отдавалась дань классовой солидарности капиталистов.

Еврейская нация была зажата в тиски множеством свирепых законов. Евреи позволяли селиться только в «чертеже оседлости» (теперь это Белоруссия и часть Украины), при чем жить можно было только в городских, но никак не в сельских местностях. В больших городах «проживать» не позволялось. Этим самым еврейство загонялось в мелочки, которые были не то городом, не то деревней. Многие еврейские девушки для того, чтобы жить и учиться в большом городе, доставали себе желтые билеты и «проживали» под видом проституток.

В учебные заведения евреи допускали только по процентной норме «на 100 человек—3 еврея». На государственную службу—даже самую мелкую—поступать не позволялось. При этих условиях, вполне понятно, главными занятиями евреев сделались ремесло и торговля. Многочленные еврейские ремесленники жили скученно в мелких городишках в ужасной, беспросветной нищете.

В среде еврейских рабочих, находящихся под двойным гнетом, быстро разви-

вается революционное движение. Еврейские рабочие начинают сознавать, что только в союзе со всеми пролетариатами России, только на пути классовой борьбы возможно освобождение. И это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что царское правительство так усердно разыгрывало вражду к евреям. Вполне понятно, что еврейская буржуазия всячески помогала царизму душить революционное движение еврейских рабочих. Не мало было случаев, когда раввины выдавали охранке имена революционно-настроенных рабочих. Так же, как и русская—еврейская буржуазия старалась разбудить в рабочих чувство национальной отчужденности и ненависти. Они говорили: «вы идете в союзе с теми, кто вас убивает, кто вас

угнетает, вы предатели своего народа, народа—избрания, который терпит жуткие муки». Они хотели, чтобы рабочие не различали рабочего от эксплуататора, достаточно, что он русский—он твой враг. Оказывается, что у еврейской и русской буржуазии были одинаковые стремления—заменить классовую борьбу—национальной.

Третья волна погромов—1919 год. Это ответ белогвардейцев на революцию.

Снова буржуазия пытается применить много раз испытанный прием, но на этот раз неудачно. На этот раз карта оказалась битой. Но там, где проходили Петлюра и «Добротя» там земля бывала густо полита еврейской кровью. Тот, кто проезжал мимо маленького городка Фастова, тот поймет какая жуткая цифра—1000 убитых. И как убитых. Мучители насиловали детей, заставляли евреев душить друг друга, пытали лютыми пытками. «На улице наткнулся на кучки белогвардейцев»,—пишет очевидец погрома в местечке Кривое Озеро,—запыханных от спирта и крови. На углу Одесской улицы пылает пожарище. На белом снегу лужа жирного черного детя. В нем раззорванная полушка. Всюду битое стекло, сломанная мебель, беспорядочно разбросанные пред-

ГРОМИЛИ НЕ ТОЛЬКО ОДНИХ ЕВРЕЕВ: на Кавказе, где евреев мало, черная сотня действовала главным образом против армян. Вот жертва армянского погрома в Баку в 1905 г.

меты домашней утвари. Тут же валяются две издохшие козы. Дальше в переулке стая собак гложет внутренности промерзшего к земле трупа, с длинными распущенными волосами.—Резкое пятно на ярко белом снеге... Ночь среди мертвых тишины вдруг послышалась душа раздающие крики. Опять тишина... сидишь и ждешь «гостей».

В то же самое время еврейские раввины, специально собравшиеся, отлучили от еврейской синагоги Троцкого и Зиновьеву. Вот он, трогательный союз господствующих классов! Еврей-белогвардеец Гессен, защищая евреев, заявлял, что есть из них «хорошие», например, убийца Урицкого, Володарского и та, которая покушалась на Ленина. Эти контр-революционеры—евреи умерли, защищая международную буржуазию,—революционеры Урицкий, Роза Люксембург погибли, защищая дело всех тружеников.

Теперь мы можем по достоинству оценить доводы, приводимые антисемитом сейчас.

«Почему среди евреев так мало рабочих,—заявляет антисемит,—это нация бездельников».

В крупной промышленности еврейских рабочих действительно не так уж много. Почему? Да по очень простой причине. До революции еврею на это самое крупное предприятие слишком трудно было попасть. В большом городе нельзя было жить, на государственные заводы ему и показываться было нельзя, а в остальных его принимали с большой опаской, потому что в каждом еврея-рабочем капиталист видел революционера. Но вы спросите этого антисемита: знает ли он, что в мелких городишках Белоруссии и Украины живут сотни тысяч беднейших еврейских ремесленников, которые, чтобы хоть как-нибудь прожить, должны работать по 12—15 часов в духе, грязи и мерзости маленького местечка?

— «Ну хорошо,—говорит антисемит,—а вот крестьян-евреи ведь нет; это потому, что там нужно от заря до ночи водить лошаденок, гнуть спину, трудиться, потому, что нет легкой наживы».

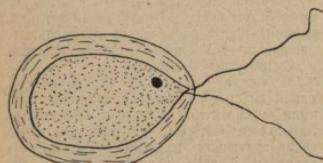
Вот тут наши антисемиты совсем вправду попадут. Ведь евреям нельзя было селиться в сельских местностях. Еврей не мог стать членом «крестьянского сословия». Откуда же им было взяться, евреям-хлебопашцам? А сейчас Советская власть пытается исправить эту историческую несправедливость, наделяя евреев землей, заселяя еврейское землеустройство на Юге СССР. Уже десятки тысяч евреев заняты крестьянским трудом.

— «Ну, а торговцы-евреи,—настаивает антисемит,—сколько их, какая масса и какие хитрости и пройдохи».

Среди евреев, действительно, торговцев много, но где же отрасль общественного труда—куда могли они устремиться при условии, что их гнали из промышленности и сельского хозяйства, и ни на какую службу не пускали? Пусть этот антисемит укажет такую неведомую область. Да и, кроме того, какой разумный человек стал бы упрекать английского рабочего за то, что английская торговая буржуазия так сильна? Если она сильна, значит нужно обединить усилия рабочих разных наций в борьбе с этой буржуазией, а не рвать пропасть между трудящимися. Ничто не может оправдать антисемитизма.

КРАСНЫЙ СНЕГ

А. ЖАДОВСКИЙ.

ПРИЧИНА КРАСНОГО СНЕГА—ВОДОРОСЛЬ ГЕМАТОКОКК Тело его состоит из одной толстой клетки, обетой слоем слизи; два тонких жгутика справа нужны гематококку для передвижения.

НЕУЖЕЛИ снег может быть красного цвета?

Ученый Соссюр в 1760 году впервые увидел высоко в Савойских горах (на юге Франции, близко от границы Италии) громадные площади снега, покрытые кроваво-красным налетом. Местами виделся снег, местами же бросались в глаза эти кроваво-красные площади. Не зная что это такое, Соссюр назвал это явление красным снегом. После Соссюра это явление стали наблюдать очень часто многие путешественники и учёные. Красный снег стали находить почти на всех высоких горах, где есть лесной снег, а также и там, где долгое время земля бывает покрыта снегом: на севере Америки, Европы, Азии (Сибирь), на островах Северного Ледовитого океана и т. д. Красный снег попадалась везде, где долгое время он сохранялся и обычный снег.

Явление красного снега очень долго продолжало удивлять человека, пока наука не разъяснила его смысл и не покончила, отчего снег окрашивается в такой цвет. Оказалось, что этот красный налет представляет из себя не что иное, как собрание бесчисленного количества живых организмов, относящихся к растениям. Эти растения оказались водорослями, то есть теми низшими растениями, которые большую частью живут в воде.

Как же эти организмы могут жить на снегу, при такой низкой температуре? Как они могут жить в той среде, которая казалась совершенно лишенной жизни, вследствие отсутствия в ней тепла? Ведь известно, что без тепла не может быть и жизни.

Посмотрим первоначально, что же из себя представляют эти красные организмы, эти окрашенные в красный цвет водоросли. Называются они снежным гематококком. Размеры этого гематококка крайне ничтожны; он измеряется несколькими микронами, а микрон—это тысячная доля миллиметра. Следовательно, видеть его простым глазом никак нельзя.

Обратимся к рисунку снежного гематококка. Что там видно?

Тело гематококка—округлое яйцевидное. Снаружи это тело (состоящее только из одной клетки) одето слоем слизи, сквозь который проходят два тоненьких жгутика. Для чего служат эти жгутики? Для того, чтобы передвигаться.

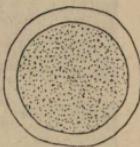
ЛИСТ РАСТЕНИЯ КРАСНЕВЕТ ОСЕНЬЮ потому, что эта окраска позволяет ему лучше сориентироваться и использовать тепло солнечных лучей.

Эти жгутики постоянно двигаются и служат как бы всплесками для передвижения водоросли в воде. В теле имеется зеленая чешуйчатая пластинка, которая называется хроматофором. Читатель вероятно знает, что большинство растений окрашено в зеленый цвет. Эта зеленая окраска и зависит от таких зеленых хроматофоров. Но, ведь, мы выше сказали, что тело снежного гематококка красного цвета. Отчего же зависит эта красная окраска?

Эта красная окраска зависит от присутствия в теле этой водоросли уже особой, красной краски, которая называется гематохромом. Гематохром маскирует, закрывает зеленый хроматофор и вся водоросль кажется поэтому красного цвета.

Читатель спросит: как же и когда плавают эти гематококки. Это происходит тогда, когда поверхность снега приводится солнцем. Сверху сейчас образуется тонкий слой воды и даже нитчажного количества воды достаточно, чтобы ее хватило для плавания этих мелких растений. Проплавав некоторое время, гематококки начинают размножаться. Их клетка делится сначала пополам, потом еще раз и еще...—получаются восемь шариков, которые и плавают в воде. Все эти появившиеся вновь клетки быстро плавают в такой воде и занимают все новые и новые поверхности снега. Таким образом, «красный снег»растет и размножается. Но, как только кончается солнечное время и начинается замерзание снега, внешний вид снежного гематококка меняется. У него исчезают жгутики, тело делается шаровидным, утолщается его наружная оболочка и гематококк переходит в стадию покоя (см. рисунок). В таком состоянии гематококк проводит время до следующего таяния снегов, когда сбрасывается его толстая оболочка, появляются жгутики и он опять может свободно передвигаться и плавать в теплой воде.

СПРАВА — ГЕМАТОКОКК в состоянии покоя. В таком виде, без жгутиков, он проводит время холода.

Разобравшись в образе жизни снежного гематококка, мы теперь легко понимаем, как могут жить организмы в такой холодной среде. Когда тает снег, тогда эти водоросли могут легко двигаться и размножаться; когда опять наступает зима и таяние снега происходит до крайности редко, тогда водоросли, образующие красный снег, не умирают, а переходят в стадию покоя. В покоящемся состоянии они легко и долго сохраняются.

Может еще явиться вопрос о том, какое значение имеет для снежного гематококка красный цвет,образуемый в данном случае красным гематохромом. Он служит вот для чего. Напомним, что красный цвет встречается не только у описываемого нами красного снега. Всем известно, что ранней весной и поздней осенью довольно часто так бывают окрашены листья разных растений, напр., клена. Этот красный цвет обясняется тем, что в различных органах появляется особый красный клеточный сок. И появление его тоже связано с тем временем, когда особенно часто в природе наступают холода, заморозки. Температура воздуха делается ниже, и у особенных нежных органов—зеленых листьев появляется красная окраска. Не кажется ли читателю, что и у снежного гематококка красная окраска тела может быть сравниваема с появлением такой же окраски у листьев весной или осенью.

Оказывается, что красная краска обладает способностью поглощать тепло солнца, которые особенно сильно нагревают тело растения. Что такое солнечный луч? Это сложный луч, состоящий из целого ряда лучей. Не будем их перечислять, но скажем, что некоторые из них сильнее нагревают тело. Эти-то лучи и особенно нужны нашим растениям в холодное время, они нужны и гематококку, живущему в снегу, они нужны и кленовым листьям весной и осенью. Как же их растение может получить? А получить их оно может только тогда, когда окрасится в красный цвет. Это и наблюдается в описанных нами случаях.

На основании описания явления красного снега можно сделать такие выводы. Растения распространены по всему земному шару. Они могут жить и в теплых и в холодных странах, они могут подниматься и высоко в горы, в области вечного снега. Но всем растениям нужно тепло, без которого нет жизни. И это тепло поглощается различными растениями различными способами. А там, где мало тепла, растения вырабатывают особые способы для его поглощения.

БОРЬБА ЗА ТЕПЛО

А. ЛЕВИ

«Правнуки современного поколения станут свидетелями разорения и промышленного паралича, если научатся найдет других источников энергии для промышленности, чем каменный уголь и нефть».

Стене Джеванс

СССР ПЕРЕГИВАЕТ острый топливный кризис. Хозяйственные органы республики подают «сигнал тревоги и говорят, что этот кризис удастся избежать лишь постепенно. И мы, конечно, его изживем; для утешения «топливного голода» в стране диктатуры пролетариата есть и топливные запасы, и руки, чтобы извлечь эти запасы из недр земли».

Но это еще не значит, что топливный кризис в СССР—дело случая. Вся мировая промышленность стоит теперь под знаком топливной кризиса и вину тому—бурное развитие этой промышленности, экономическое развитие буржуазной промышленности. Еще недавно—за 30 тому назад, подсчитывали, что топлива хватит всему миру тысячи на 4 лет. Но это оказалось ошибкой; потребление горючих материалов растет так бедно, что самые оптимистические подсчеты устанавливают срок топливного исчезновения уже через 200 лет.

Где же выход? Есть ли он?

Правда, кроме угля и нефти промышленность использует силу вод, но их мало, и не в этом спасение. Используются и силы ветра, но она капризна: ее не заставишь работать всегда, когда это нужно. Делают попытки использовать солнечную, неминувшую источник силы—солнечное тепло, но пока все солнечные машины слишком слабы, да и не всегда могут быть установлены. Использование внутренней энергии (см. ст. «Сила будущего», «Смена» № 4) обещает полное решение топливного вопроса. Но—вулита едет, когда-то будет, а топливный вопрос надо решать сейчас, сию минуту. И в особенности странам с небольшими запасами каменного угля и нефти, как Германия, или с богатствами, но отдаленными от места потребления топлива источниками его, как СССР. Для этих стран вопрос «как обойтись с малым количеством топлива», это вопрос всего их существования.

Делается ли что-нибудь в этом направлении? Найдены ли способы из малого количества топлива извлечь большое количество сил?

Делаются. Найдены. И отыскиваются. Техника ставит себе теперь вопрос так: «как добиться того, чтобы драгоценное тепло наших скучных запасов топлива не терялось бы на $\frac{1}{4}$, как теперь, а шло бы в дело все целиком?»

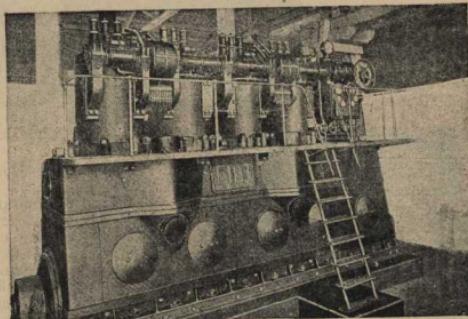
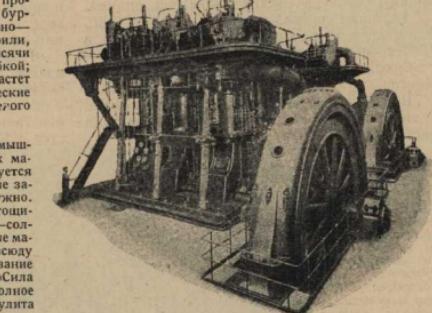
Дело в том, что когда мы сжигаем уголь в топке, то в работу идет только 6—7 фунтов из каждого пуда. Остальные 33—34 фунта только «егреют улицы»: они согревают всю машину, уходят с дымом в воздух, нагревают помещения, но для работы пропадают. Продолжать так дальше—это безумие; это же то, что есть из хлеба одни корки, а остальное бросать в помойную яму. И за это ускользает к югу—туда идет теперь отчаянная борьба инженеров с природой.

А в борьбе этой достигнуты уже крупные успехи—гордисмы!—и в Советской России. Но остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Когда в 1705 г. Ньюкомен в ход свою первую в мире паровую машину, она пускала по ветру 39 фунтов угля из каждого пуда и использовала всего 1 фунт ($2-3\%$) использования энергии и добился 5—7% использования, и таким образом удвоил как бы мировые запасы топлива.

СПРАВА—СОЛНЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ШУМАНА: несмотря на то, что он работает вполне удовлетворительно, самая большая установка солнечного двигателя пока еще не превышает мощности 100 л. с., сла. СЛЕВА—БАБУШКА ПАРОВЫХ МАШИН—машина Ньюкомена, построенная в 1705 году. Еще в 1830 году она работала на одном из английских рудников, перевода в энергию только один фунт топлива из каждого затраченного пуда, т. е., используя всего $2,5\%$ его полного действия.

ВВЕРХУ—СОВРЕМЕННАЯ ВЕРТИКАЛЬНАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА с тройным расширением, которая, повидимому, достигла высшего предела полного действия, достичь которого пытались машинам. Она использует 16% топлива.

ВНИЗУ—СОВРЕМЕННЫЙ ДИЗЕЛЬ-МОТОР—иначе называемый двигателем «внутреннего горения»—дающий до 35% использования энергии топлива.

Никакими усилиями инженеров не удавалось в 1705 г. поднять этот процент выше 16, и этот процент увеличил запасы топлива по сравнению с временами Ньюкомена в 8 раз. Наконец, в 1893 году инженер Дизель пришел к выводу, что надо добиться, по крайней мере того, чтобы топливо не пропадало даром по пути от топки, до воды, превращаемой этим теплом в работающий пар; для этого нужно складывать топливо в той самой части машины, где работает пар (цилиндр). И через

два года он выпускает свой «двигатель внутреннего горения», в котором каждый пуд нефти уже используется 14 фунтов, или 35% всего топлива. Дизель оправдал свое время Уатт, у которого морские запасы топлива. Но все-таки эти запасы ежесезонно, ежеминутно вымываются в помойную яму: человечество, цивилизация—все-таки лихорадочно продолжают рубить тот сук, на котором они сидят. И вот случилось нечто невероятное. Можно сказать на днях инженер Оскар Бронлер добился такого устройства топки внутреннего горения, при котором идет в ход в 80% топлива.

Да, это так. Подсчеты показали, что при сгорании топлива в топке Бронлера используется свыше 100% теплотворной способности горючего, т. е. больше количества тепла, чем выдается при сгорании известные сорта топлива. Это уже само по себе является доказательством очевидно, что топка Бронлера освобождает еще какую-то энергию топлива (А. А. Базилевский полагает—электрическую), но факт налицо: Бронлера этик изобретением устроил наши запасы топлива. Чтобы получить такой результат, Бронлера просто добился того, что пламя, которое обращает воду в пар, горит само внутри воды. Это кажется невероятным, но это так: у Бронлера огонь горит в воде. Мы не будем останавливаться на описаниеях его топки, оставим только одно: Бронлера не первый и не последний, который отодвигает тепловую голову в нашу промышленность на сотни лет. Еще несколько усилий, и тот выигрыш времени, который необходим, чтобы солнечную машину сделать такой же обыкновенной, как теперь угольная, а затем и запрячь в наши машины энергию внутреннему, этот выигрыш времени будет в руках человечества.

СХЕМА КОТЛА ВНУТРЕННЕГО ГОРЯНИЯ, дающее свыше 100% использования топлива. Но это странно получается, если говорить о достоверном. Очевидно тоже Бронлера освобождает еще какую-то скрытую энергию топлива, быть может, электрическую. Нефть, поступающая по трубке 3, распыляется в форсунке 2, смешивается с воздухом и сгорает непосредственно в воде.

КАНТОН—СЕРДЦЕ ГОМИНДАНА

В. ТЕПЛУХИН, снимки «РУССФОТО»

пираты, шнырявшие у берегов Индии. Заязали торговли. Голландцы вели оружие, приности, выкачивая шелк и др. ценности.

В 17-м веке сюда забрались английские мореплаватели—наступило начало регулярных торговых сношений.

Англичане начали с опиума. В 1765 г. потребление его провинцией Гуандунь выразилось в 200 ящ.

В 1784 г. сюда прибыло первое американское судно.

С этого момента начались раздоры не только купцов с покупателями, но и между купцами.

Англичане увеличивали ввоз опиума, дававшего колосальнейшие прибыли и завоевывавшего все большие и большие рынки сбыта. Китайцы начали употреблять его с мала до велика.

В 19-ом веке англичане уже ввозили в провинцию Гуандунь ежегодно 4000 ящ. опиума.

Торговля опиумом привела к ряду войн, кончавшихся поражениями Китая. Война в 1856 г.—решила участь Кантонса.

Союзники: англичане и французы заняли Кантон.

Вместе с пачками миссионеров сюда гнали белые войска, и воды Жемчужной реки были заставлены военными судами.

РАСПРАВА С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В ПЕКИНЕ: на снимке выше изображен арестованый кулик, которого полиция заподозрила в терроризме против Гоминдана. Следующим элементом китайской реакции не является: смотрите следующие снимки.

СПРАВА — ПРИГОТОВЛЕНИЯ К КАЗНИ—осужденного стоят на колени.

ВАН-ЦИН-ВЕЙ, глава правительства Кантонса, столицы Гоминдана.

ТРОПИЧЕСКОЕ солнце греет снегово-ледяные верхушки Тянь-Шаня— капли струйками спускаются по хребтам, собираются, изумрудные ручейки, речки и, в конце сливаются, образуют широкую могучую глубоководную, вечно бурлившую желтую от песка и ила, спешающую к Южно-Китайскому морю,—реку Сакиянг.

Сакиянг в переводе на русский язык—Жемчужная река—названа так за свой изумительный цвет в верховьях.

Здесь то и образовалася, на расстоянии всего 6 часов езды от устья реки—гор. Кантон—центр Гуандунской провинции.

В 16-м веке на этот район Китая обратили внимание голландские

Народно-революционное правительство выставило 100-тысячную армию.

В 1922 г. был организован котр-революционный переворот под руководством Чен-Дзо-Лина. Переворот пытался произвести организация «бумажных тигров», как называли себя китайские фашисты. Но, благодаря несвоевременной помощи со стороны англичан, силы народно-революционной армии разбили 30.000 армии, вооруженную по последнему слову техники «бум. тигров», и власть народно-революционного правительства была восстановлена.

После этого состоялся первый общенациональный конгресс партии Гоминдана. Ее влияние с юга, ее достижения в Кантоне перешли на север. Она начала создавать свою организацию по всем городам Китая.

В период Великой войны разрослась промышленность Кантонса и провинции Гуандунь.

Вместе с ней вырос и рабочий класс.

Железнодорожники и моряки являлись основным революционным ядром. Через них распространялось и революционное движение.

* * *

Кантон—возглавляет Южный Китай—он преддверие в Индию. Он ведет политическую борьбу с пекинским правительством, ставленником Англии и Америки.

Члены партии Гоминдан разбросаны по всему Китаю—руководящее направление в работе дает ЦК, находящийся в Кантоне.

Вот почему все стрелы со стороны западных и восточных империалистов направлены на Кантон.

Они из английской колонии Гонконга угрожают Кантону фортами и эскадрой.

Затрачивают десятки, сотни тысяч фунтов стерлингов на укрепление своего влияния через школы, миссионеров, полицию.

Если провинция Гуандун полтора десятка лет тому назад была в руках англичан, теперь за ними осталась только Шамин и Гонконг.

На наступления милитаристов Кантон готовит контрудары.

Всего несколько недель тому назад англичане собирались повесить замок из усть: Жемчужной реки, хотели задушить Кантон экономической блокадой.

Пропаганда ответила бойкотом английских товаров.

Кантон может прожить без англичан — замок на Жемчужной реке задушил бы не Народную республику, а английских промышленников и плантаторов

Против Кантона они выставляют все, что может создать европейская цивилизация, включая газы, вибраторы, отрубание голов и тюремы, в которых политические враги тонут в воде камней.

Борьба идет по двум направлениям: непосредственно силами капиталистических правительств и через дудзионеров провинций.

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ПРИГОВОРА — голова казненного в руке палача.

Среди них самый близкий к Кантону представник Англии и Америки У-Пей-Фу.

Он строит свою борьбу с Кантоном и Гоминданом на деньги и оружие европейских воротил и банков.

Армия У-Пей-Фу — или вольнонаемные солдаты, идущие к нему только потому, что иначе они умрут с голода, или силой захватываемые в деревнях молодые парни.

У У-Пей-Фу в армии насчитывается около трехсот тысяч.

Армия Народно-революционной Республики имеет немного больше 100 тысяч солдат.

Народная армия использует опыт нашей Красной армии.

В нее вливается все лучшее, что имеет Южно-Китайская республика.

Если 90% китайцев безграмотны, то в армии Кантоне вы не найдете их.

Основная задача армейца быть грамотным и усвоить те задачи, за которые борется Народно-революционная армия.

В следующем № читайте статью Н. Плавильщикова «СИЛЫ ЮНОСТИ»

криком американской техники на заводе. Самое интересное — это старый город «Квачжоу», окруженный стеной в три сажени толщины, до 6½ саж. высоты и 10 верст длиной. Через него проходят целых два вводных пути; 16 верст непрерывно пропускают внутрь густые

В УСТРАШЕНИЕ «ЗАБЛУЖДАЮЩИМСЯ» — головы казненных политических преступников выставляются на городской стене.

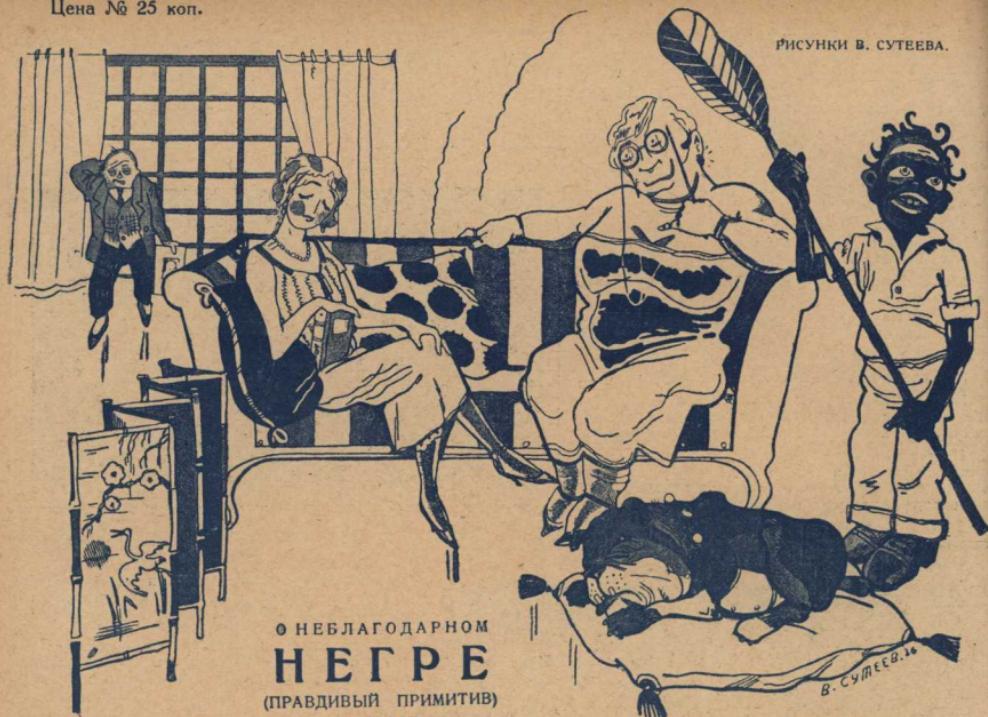
толпы. Но он все-таки невелик и занимает всего только 20 квадратных верст. Поэтому скученность населения в нем страшная. Здесь не мертв и сонно, как в других китайских городах. Люди движутся в нем сплошными толпами по узеньким, словно коридоры, уличкам, прекрасно вымощенным гранитом. Много улиц... даже крытых рамочной крышей с промасленной бумагой, вместо стекол. Это, конечно, не спасает от дождя и града, за то, несомненно, спасает от зноя — и на том спасибо. Но вонь под такой крышей еще хуже. Где живут люди внутри этого города, так и не видно. Всюду только лавки, мастерские и лавки, открытые от земли до крыши. В них и торгуют и «производят» мелкий товар. Море вывесок самых разнообразных цветов, которые свешиваются, как пестрые флаги сверху до низу. Пестро, шумно... и вонь нестерпимая, потому что и готовка пищи и свалка мусора — все здесь же.

Кто позажигается, тот здесь не ходит. Он важно едет в колясочке, которую мчит полуголый, задыхающийся «джинниери-ша» — человек-лошадь. Самые богатые с невозумимым видом воят в сессии в легких паланкинах, которые быстро несут два или четыре, иногда восемь носильщиков. Об извозчиках в китайском городе, конечно, и помину нет. По узким уличкам в конной коляске здесь не проедешь. Лошади есть, т.е., были, потому что теперь они заменили автомобилями, только в европейской большой части города.

Кос на современных китайцах почти не увидишь, в особенности на молодежи. Если коса — это наверное крестьянин; только они еще держатся этой стариной. Европейцы всегда не любили, но побаивались, теперь их ненавидят, но не боятся.

Только русскому теперь везде и всюду исключительное внимание и услуга.

В Кантоне теперь 2 миллиона жителей, больше чем в Москве. По развитию фабрик промышленности это первый город в Китае. В нем сотни самых разнообразных фабрик и фабричек, тысячи кустарей, которые работают орудиями 10-го века, рядом с последним

О НЕБЛАГОДАРНОМ
НЕГРЕ
(ПРАВДИВЫЙ ПРИМИТИВ)
Р. РОМАН

Облокотясь на изящный томик,
В послебеденной таине истоме
Мисс Кэт,
17-ти лет.

Рядом—рыхлая, как простокваша,
Её мамаша,
У ее ног—
Бульдог.

Мелкой дрожью дрожат колени:
В комнате
Томми
Приклен—
Лени!..
И, пухлой лапой схватив портрет,
Мистер Смит терзает жгут,
И, откинув изящный томик,
Стонет в горькой, нервной истоме
Мисс Кэт—
17-ти лет,
И, пахнущая, как простокваша,
Её мамаша.
И впрызается Томми в бок—
Бульдог.
Черный Томми, бедный малый,
Бросил на землю опахало...
Стонет Кэт с мамашею в паре:
— Томми,
Ты неблагодарен.
Томми, Томми! Ах, Томми! Ох!—
И ричит на Томми бульдог,
И благородный мистер Смит
Дрокит:
— Ну, говорит им черный парень,—
Я благодарен!
Я благодарен вам, мисс Кэт,—
Вы об меня разбили штабели.
Я благодарен мамаше вашей:
Часто давала она мне взаше,
Люблю и папашу я потому,—
Часто учил меня стаком уму.
Я полюбил и тебя, бульдог.
За то, что не вовсе ты с'ел мой бок.
Только... всец больше тому благодарен.—
Сказал им Томми, белинага парень,—
Кто всех Смитов, бульдога и Кэт
Скоры отправит
На тот
Свет.

А над бульдогом, заплывшим салом,
Томми склоняется с опухалом.
Дремлет собака, открывши рот.
С Томми градом катится пот
Вдруг, с веандри раздался крик...
Вид у Смита — расстрепан, дик,
Мистер Смит озоблен очень,
Гневом пышут мистера очи,

Сегодня, отбросив изящный томик,
В ужасе бредила страшным Томми
Мисс Кэт—
17-ти лет,
И трепыхалась, как простокваша,
Её мамаша,
И от злости нежданно подох
Бульдог.